

РОЖДЕННЫЕ В КРОВИ

ХРОНИКИ
МАФИИ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
18+
БРАНЬ

СВЯЗАННЫЕ **ЛЮБОВЬЮ**

КОРАРЕЙЛИ

254,2 МЛН. ПРОСМОТРОВ В ТІКТОК С ХЭШТЕГОМ #КОРАРЕЙЛИ
85,8 МЛН. ПРОСМОТРОВ С ХЭШТЕГОМ #ХРОНИКИМАФИИ

переведена на 7 языков

Хроники мафии. Рождённые в крови

Кора Рейли

Связанные любовью

«Издательство АСТ»

2018

Рейли К.

Связанные любовью / К. Рейли — «Издательство АСТ»,
2018 — (Хроники мафии. Рождённые в крови)

ISBN 978-5-17-152046-5

Любовь – слабость, так думал Лука. Она ставит сильнейших мужчин на колени, а Дон не может позволить себе слабостей. Женщина должна знать свое место. Но вопреки всему, он полюбил Арию. Когда Лука стал Доном, он поклялся ставить семью на первое место. И солгал. Главное всего для него была Ария. Он готов был сжечь этот мир, если понадобится. Убивать, пытаться, шантажировать – все, что угодно, ради защиты жены. Лука верил, что жена никогда его не предаст. Он ошибался. В мире мафии жены обязаны следовать желаниям своего мужа как букве закона. Особенно если это жена Дона. Но Ария хотела защитить тех, кого любит. Так она, защищая сестру, впервые предала своего мужа. Дон не может простить предательства, но в мире мафии нет разводов. Как теперь быть им обоим, если они связаны друг с другом навечно? В книге присутствует нецензурная брань!

ISBN 978-5-17-152046-5

© Рейли К., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	34
Глава пятая	45
Глава шестая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кора Рейли

Связанные любовью

Печатается с разрешения литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Copyright ©2018 Cora Reilly

* * *

Пролог

АРИЯ

Я не могу сделать этого, Ария. Я хочу свалить отсюда. Из этого мира. Мне не нужен этот договорной брак. Я хочу просто смыться отсюда.

Эти слова моей сестры Джиианни стали началом конца. Так я впервые предала Луку. Хотя тогда я не расценивала это как предательство. Я просто хотела помочь ей, а не предавать мужа.

Что ж, когда я принимала решение помочь ей сбежать, я знала, что иду против мужа.

Предательство.

Мафиози так скоры на расправу и называют предательством любое действие, негодное им! Жены обязаны следовать желаниям своего мужа как букве закона. Особенно это касается меня, потому что я – жена Дона.

Но порой мне сложно подчиняться, особенно когда дело касается защиты моих сестер и брата – тех, кого я люблю.

Я думала, что Лука поймет, думала, что наша любовь выдержит что угодно.

Лука не был человеком, который может доверять или любить кого-либо, но так было до меня. Однако он всегда крайне осторожно выражал свои эмоции.

Может, он всегда подсознательно ждал чего-то такого, что подтвердит правильность его опасений.

И я дала повод.

ЛУКА

Маттео и я выучили кучу уроков от нашего папаши-садиста, которые должны были сделать нас сильными и беспощадными ради стоявших перед нами целей. Я ненавидел этого человека, ненавидел всю свою жизнь! Но еще больше я ненавидел то, что он был прав в том, в чем, как я надеялся, он ошибался.

Любовь – слабость, Лука. Она ставит сильнейших мужчин на колени. Женщины – это слабость, своими манипуляциями они убеждают нас, что мы можем любить их, потому что это единственный способ для них иметь власть над нами. Не позволяй женщине взять власть в свои руки. Ты станешь Доном. Дон не может позволить себе слабостей.

Арии удалось убедить меня, что его слова были ложью.

Своей доброй улыбкой, невинными глазами и невероятной красотой она заманила меня, и я попался в ее ловушку. Я все еще помнил тот гребанный день.

– Ты хорошая, Ария. Ты невинна. Я втянул тебя во все это.

Ария рискнула своей жизнью, чтобы спасти меня, мою жизнь, которая стоила куда меньше, чем ее.

Ее голубые глаза смотрели на меня. В этих глазах всегда было так много эмоций, которые я едва мог понять.

– Это не так, Лука. Я родилась в этом мире. Я выбрала остаться в нем. Родиться в нашем мире означает появиться на свет с кровью на руках. Каждым своим вздохом мы все глубже впиваем грех.

Я покачал головой.

– Это не твой выбор. Нет ни единого шанса покинуть наш мир. И шанса избежать этого брака у тебя тоже не было. Если бы ты позволила убить меня, ты бы, как минимум, избавилась от этого брака.

– В нашем мире не так много хорошего, Лука, и если удастся найти это, нужно вцепиться в него так сильно, как только можешь. Ты – лучшее, что случилось в моей жизни.

Как она могла сказать нечто подобное? Я убил так много людей, я наслаждался кровью. Если бы существовали Рай и Ад, то совершенно не сомневаюсь, где бы я оказался в итоге.

– Я далеко не ангел.

– Ты не ангел. Но ты лучший для меня. Я чувствую себя в безопасности в твоих объятиях, не знаю почему. Я даже не знаю, почему люблю тебя, но это так и это не изменится.

Ее взгляд светился такой любовью, что я закрыл глаза. Ария любила меня. Я не знал, как она могла после всего того, что я творил на ее глазах, а это было еще не самым худшим из того, что я делал. Я многое скрываю от нее.

– Любовь – это риск в нашем мире, слабость, которую Дон не может себе позволить, – пробормотал я. Это была идея, в которую я верил всю свою жизнь. Идея, которой я жил. Идея, с которой, я думал, уйду из этого мира.

– Знаю, – прошептала она.

Неужели она не знала, что я чувствую? Как она могла не видеть этого? Даже Маттео знал, хотя я всячески пытался скрыть свои чувства от него, ото всех.

Я взглянул на нее. Грудь сдавливало от эмоций, которые, я боялся, разорвут меня изнутри. Это пугало меня. Ничто во всем мире еще не пугало меня сильнее. Я выжил после пыток и невыносимой боли, пытал и причинял адские муки другим, видел так много смертей, убивал, и вот я боюсь собственных эмоций.

– Но мне плевать, потому что любовь к тебе – единственная чистая вещь в моей жизни.

Ария застыла, в ее глазах стояли слезы. Плач и мольбы никогда не смягчали мое сердце, но слезы Арии действовали на какую-то часть меня, о существовании которой я и не подозревал.

– Ты любишь меня? – спросила она. Ее взгляд был полон надежды и неверия.

– Да, хотя и не должен. Если мои враги узнают, как много ты значишь для меня, они сделают все, чтобы причинить мне боль, контролировать меня через тебя. Братва попытается сделать это вновь, как и другие. Когда я стал членом мафии, я поклялся ставить Семью на первое место, и я повторил эту же клятву, когда стал Доном, хотя и знал, что лгу. Главнее всего для меня ты. Я сожгу этот мир, если понадобится. Я буду убивать, пытать, шантажировать. Я сделаю ради тебя все, что угодно. Может быть, любовь – это риск, но я готов принять его, как ты и сказала, это не вопрос выбора. Я никогда не думал, что так будет, никогда не думал, что смогу любить кого-то настолько, но я влюблен в тебя. Я боролся с этим. И это единственная битва, которую я не прочь проиграть.

И блядь, эти слова были правдой! Я всегда ставил Арию на первое место, защищал ее, позволял то, к чему моя семья относилась крайне неодобрительно. Я делал для нее все, а она предала меня. Предала мою любовь и доверие.

Любовь. Слабость. Слабость, которую я больше себе не позволю.

Глава первая

До этого

АРИЯ

Мое плечо все еще время от времени болело, когда я двигала рукой слишком быстро, но Док, снявший вчера швы, сказал, что боль скоро пройдет. Я коснулась красноватого шрама под моей ключицей. Он все еще был чувствительным. Мой первый шрам.

Лука подошел сзади – он возвышался надо мной больше, чем на целую голову – и мягко положил ладони мне на плечи. Серые глаза с яростью уставились на шрам. Он, как и я, был полностью обнажен после душа, но его тело было покрыто бесчисленными шрамами. Я изучала его лицо, гадая, не беспокоит ли его то, что я больше не была совершенством. Члены мафии считали свои шрамы доказательством мужества, и не было человека храбрее, чем Лука. Но я была женщиной, в нас ценится красота.

– Док сказал, что он поблекнет, – прошептала я.

Глаза Луки встретились в зеркале с моими, темные брови нахмурились. Он развернул меня и приподнял подбородок.

– Ария, мне по хер, поблекнет он или нет. Твой шрам беспокоит меня, потому что напоминает мне, что ты рискнула своей жизнью ради такого мудака как я, а это определенно последняя вещь, которую ты когда-либо должна была делать.

– Я бы вновь сделала это, – прошептала я без колебания.

Лука схватил меня за талию и усадил на раковину.

– Нет, – прорычал он, придвигаясь поближе. Его глаза горели яростью, но в них было и что-то еще. – Нет, слышала меня? Это долбаный приказ.

– Ты не можешь отдавать мне подобные приказы, – мягко ответила я.

Он тяжело вздохнул.

– Могу и делаю это. Как твой Дон и как твой муж. Ты не будешь рисковать своей жизнью из-за меня вновь, Ария. Поклянись.

Я смотрела на него. Похоже, он думал, что это так легко. Лука привык контролировать всех вокруг, привык, что его люди подчиняются каждому его слову, но даже он должен был понимать, что некоторые вещи вне нашего контроля, даже его власть не безгранична.

– Ария, поклянись! – произнес он своим голосом Дона, голосом, который вынуждал мужчин следовать за ним, а врагов пригибаться от страха.

Я обняла его руками за шею, поигрывая его темными прядями, коснулась своими губами его губ.

– Нет.

Его взгляд напрягся.

– Нет?

– Нет. Что, никогда прежде не слышал этого слова? – поддразнила его я, повторяя то, что сказала ему в нашу первую брачную ночь.

– О, я часто его слышу! – ответил он.

Я заулыбалась, но его лицо оставалось мрачным.

– Ария, я серьезно.

– Как и я, Лука. Я защищаю людей, которых люблю. Тебе придется принять это.

Он покачал головой.

– Не могу, ты поступаешь необдуманно, когда руководишься своими сердечными порывами.

Я пожалала плечами.

– Ну, я такая.

Он прижался лбом к моему.

– Я не потеряю тебя.

– Не потеряешь, – прошептала я, прижимая ладонь прижалась к татуировке на его груди. Рожденный в крови. Поклявшийся на крови.

Может, я и не давала клятву крови, но меня связывало с Лукой нечто куда более сильное, чем слова. Меня связывала с ним любовь.

– Я всегда буду рядом с тобой.

Его взгляд смягчился.

– Мы поедем в медовый месяц на следующей неделе.

Я удивилась и спросила, сгорая от предвкушения:

– Правда?

Мы были женаты два месяца и за это время ни разу не говорили о медовом месяце: вначале потому, что наш брак был по расчету, а не по любви; потом – потому, что Лука был слишком занят.

– А как же Братва? Они не нападут вновь?

Две недели назад они совершили нападение на поместье Витиелло. Погибло несколько человек Луки, и муж едва не потерял меня. На моих глазах погиб Умберто, мой охранник, которого я знала с детства. С болью в сердце я написала письмо его вдове и детям.

– Они нападут вновь, но не так скоро. Им нужно восстановить силы после потери Виталия. Я не смогу отсутствовать слишком долго, но неделю мои люди без меня точно справятся. Маттео уважают почти так же, как и меня. Какое-то время он сможет всем управлять.

Я не могла перестать улыбаться.

– Куда мы поедем?

Лука нагнулся, чтобы поцеловать меня, а потом выпрямился с улыбкой. Он смотрел на меня тем особенным взглядом, который предназначался только для меня, и мое сердце сжалось от любви.

– У отца была яхта в гавани Палермо, и отныне она моя. Мы можем провести неделю, исследуя Средиземное море.

Я вглядывалась в его лицо, пытаюсь понять, беспокоила ли его смерть отца, но хотя тот умер лишь пару недель назад, у Луки не было ни капли сожаления. Сальваторе Витиелло был мужчиной, который внушал людям страх, а не восхищение или нежность. Я недостаточно хорошо его знала, чтобы печалиться из-за его смерти, и, судя по тому, что я слышала, наше знакомство ничего бы не изменило.

– Это было бы превосходно, – отозвалась я. Я никогда еще не была на Сицилии, и мне хотелось посмотреть, откуда родом семья Луки.

– Ты бывала в Италии прежде? – спросил он.

– Только раз, – сказала я с сожалением. – Отец возил нас в Болонью на похороны дяди. Там мы провели лишь день, а затем заехали в Турин и Милан. Это был потрясюще. Я всегда хотела вернуться, но отец был слишком занят, выполняя обязанности Консильери, а одних нас он не отпускал.

– Тогда решено, – ответил Лука. – Это будет неделя только для нас двоих.

– Не могу дождаться, – прошептала я, мои губы нашли губы Луки. Я еще крепче обняла его за шею, когда язык скользнул внутрь. Его руки прошлись по моим рукам вниз, по бедрам и по бокам. Я задрожала от нежности.

Из-за моего ранения Лука был осторожен, когда мы занимались любовью, и в этот раз его прикосновения были мучительно нежны, пока он раздвигал мои ноги и поглаживал меня отточенными движениями. Я смотрела ему в глаза, когда он входил в меня двумя пальцами. Затем его головка стала надавливать на мой вход. Я обхватила его ногами за талию и приняла в себя, все еще удивляясь ощущению наполненности. Наши языки скользили друг по другу, Лука медленно толкался в меня. Я чувствовала всю длину его члена, пока он входил в меня и выходил, и напряжение охватило низ моего живота.

Лука оторвался от моего рта и прохрипел на ухо:

– Кончи для меня, любимая.

Я застонала, когда он чуть сменил угол толчков. Затем он вновь стал целовать меня, лаская языком. Его серые глаза сверлили меня. Я протянула руку, чтобы коснуться клитора и помочь себе достичь пика, но Лука осторожно оттолкнул ее.

– Попытайся кончить только с моим членом.

Я никогда не пробовала кончить без дополнительных прикосновений, но собиралась попытаться. Он переплел наши пальцы и прижал их к мраморной поверхности. Он вновь толкнулся в меня под тем же углом, как и прежде, и я ахнула от наслаждения, которое разливалось по моему телу от той точки, которую он задел. Мои глаза расширились, пока я удерживала его собственнический взгляд. Каждый раз, когда мы занимались любовью, казалось, что он по новой клеймил меня. Лука был одним из самых больших собственников, что я знала, а ведь я выросла среди мафиози.

Он вновь толкнулся в то же местечко, и я застонала. Это было восхитительно, но я не знала, сколько еще времени понадобится мне, чтобы кончить без дополнительной стимуляции, но Лука никуда не спешил, попадая все в то же место вновь и вновь медленными, сильными толчками.

– Как ощущается? – натянато произнес он. Его грудь блестела от пота, пока он толкался в меня вновь и вновь, от чего моя попка скользила по мраморной поверхности, а затем его рука вновь возвращала меня на краешек для следующего толчка.

Я облизнула свои сухие губы.

– Хорошо, – ахнула я, когда вновь почувствовала удовольствие. Пальцы на ногах поджались, а стенок стали сокращаться.

– Да, любимая, – прорычал Лука. – Кончи для меня.

Его язык погрузился в мой рот, и он вновь задел сладкое местечко внутри меня, отчего я, зажмурившись, выгнулась. Я оторвалась от губ Луки, моя голова запрокинулась, когда я вскрикнула, ощущая освобождение. Лука напрягся, толкаясь в меня сильнее, чем прежде, а затем, издав гортанный стон, кончил. Мои стенок задрожали, мой оргазм лишь усилился, пока его член дрожал во мне.

Когда я смогла вновь говорить, то прошептала:

– Это было невероятно.

Лука усмехнулся. Его глаза сияли властью и удовлетворением.

– Так и есть. Мне нравится, что ты можешь кончить только от моего члена.

Я нахмурилась.

– Это нечто необычное? – Вспышка неуверенности мелькнула в моем голосе. Лука и я спали вместе больше месяца, но я все еще была далека от того, чтобы считать себя опытной.

Лука обхватил мои щеки и притянул ближе для поцелуя.

– В тебе нет ничего нормального, Ария. С какой стороны ни посмотри. – Я все еще хмурилась. Он хмыкнул. – Все хорошо, поверь мне. Мне нравится, что ты можешь кончить так. Многим женщинам необходимо стимулировать клитор, но некоторые все равно не могут испытать оргазм во время секса.

– Оу, – удивилась я. Я не могла представить, что хоть какая-то женщина во время секса с Лукой не могла кончить, но я не хотела думать о других женщинах с ним. Он был только моим.

Лука поцеловал меня вновь и медленно вышел из меня.

– Мне стоит приготовить все для нашего медового месяца.

Я заулыбалась. Если бы кто-то сказал мне до свадьбы, что я буду до безумия счастлива с Лукой, я бы заявила, что он чокнутый.

ЛУКА

Я едва мог сконцентрироваться на том, что говорил мне Маттео. Все мои мысли были об Арии – и тех способах, которыми я заставлю ее кончать в наш медовый месяц.

– Лука, почему бы тебе не уйти, а мы наконец прекратим притворяться, что тебе не по хуй на все то, что я говорю, – произнес с ухмылкой Маттео. Он сидел развалившись в кресле и запрокинув одну ногу на подлокотник.

Я нахмурился.

– Я слушаю. Но ты не должен выпрашивать меня о каждой малейшей детали. Ты можешь принимать собственные решения, к тому же Ромеро окажет тебе поддержку. Не названивай мне каждый гребанный день с раздражающими вопросами.

Он покачал головой.

– Ты – Дон.

– А ты – Консильери. Меня не будет всего лишь неделю, и ты вполне сможешь удержать под контролем нашу долбанную семейку. Наши дяди и кузены пока не рискнут нападать, хотя каждый из них хочет сам стать Доном. Именно поэтому они не будут сотрудничать между собой.

– Я из-за них не парюсь. Я могу контролировать солдат и нашу семью, но я не могу обещать, что не прикончу парочку потенциальных предателей.

Я закатил глаза. Маттео был слишком вспыльчивым.

– Тогда убей хотя бы самых проблемных.

– Давно хотел спросить: у Арии такая волшебная киска, что ты ходишь сам не свой, или она берет в рот как богиня?

Я не думал. Я просто кинулся и схватил его за горло, впечатывая в спинку кресла. Его тело вытянулось от напряжения, а правая рука потянулась к ножу, который он все же не вынул. Будь на моем месте любой другой человек, этот нож мгновенно вонзился бы в его грудь. Я расслабил хватку и отступил, делая глубокий вдох и пытаясь успокоить дыхание. Брат растирал горло. Его взгляд был внимательным и настороженным.

– Ого! – прохрипел он. Красные следы от моих пальцев проступали на его коже. – Всегда гадал, как чувствовал себя наш дорогой кузен, когда ты сдавил ему горло. Никогда не думал, что ты тоже дашь мне возможность ощутить это.

Я не извинился. Пробежав рукой по волосам, я направился к мини-бару и налил нам обоим выпить. Потом передал один из стаканов Маттео и снова занял свое кресло. Маттео жадно осушил свой стакан, потом выпрямился, но все еще наблюдал за мной.

– Полагаю, я получил свой ответ, – произнес он.

– На какой вопрос?

– Что нужно сделать для того, чтобы ты бы захотел убить меня.

Я зыркнул на него.

– Я никогда не убью тебя, Маттео. Ты – моя плоть и кровь. Ты знаешь, что я доверю тебе свою жизнь.

Маттео по-акулы усмехнулся.

– Лука, мы оба знаем, что это неправда. Мы – убийцы. Мы оба знаем, что убьем друг друга, если спровоцировать нас. Твое уязвимое место это – Ария.

Я ничего не ответил, потому что он был прав.

– Если даже всего несколько пошлых слов взбесили тебя настолько, то я знаю, что произойдет, если я когда-либо причиню ей вред.

Моя рука еще сильнее сжала стакан, но я заставил себя усидеть на месте.

– Ты не навредишь ей, это пустой разговор. И ты – мой брат, Маттео. Ты и Ария – единственные люди, о которых я забочусь.

Он кивнул. Когда напряжение спало, Маттео наклонился и ударил меня по плечу.

Я усмехнулся.

– Ты знаешь, как разозлить меня.

– В этом деле я лучший, – засмеялся Маттео, а затем на редкость серьезно добавил: – Я бы сделал то же самое, если бы ты оскорбил Джианну.

Я вздохнул. Мне хотелось забыть, что он попросил ее руки и что их помолвка должна состояться через три недели. Это будет кошмар. Все знали это, кроме Маттео. Он все еще верил, что брак с рыжей сукой будет охеренным приключением. Увеселительная прогулка сквозь адское пламя, без сомнений.

Телефон зазвонил, и я застонал, когда увидел на экране имя Нины, моей мачехи. Сегодня я уже пытался безуспешно дозвониться ей, чтобы сказать, что нам нужна яхта, и сейчас она, наконец, перезвонила. Я почувствовал, как во мне поднимается уже привычная волна презрения к ней.

Маттео глянул на экран и поднялся:

– От меня приветики не передавай. Я, пожалуй, пойду и поговорю с нашими младшими боссами и капитанами.

Он задержался перед зеркалом у двери и поправлял свои темные волосы до тех пор, пока не остался доволен своим отражением, а затем неторопливо вышел. Я закатил глаза. Тщеславный ублюдок! Будто бы моим солдатам было не насрать, как я выгляжу.

Мой телефон продолжал звонить. Я должен был поговорить с Ниной, а потом весь вечер слушать бредни дядюшек, тогда как в постели меня ждала невероятная женщина. Я ответил.

– Нина.

– Лука, дорогой, ты звонил мне?

Дорогой? Мы оба знали, что едва выносим друг друга. Я ненавидел ее с того момента, как она вышла за моего отца, а мне тогда было десять. Иногда я жалел мачеху, когда мой папаша-садист избивал ее, но сразу же переставал ей сочувствовать, когда она вымещала свою обиду на служанках. Она была из тех, кто воткнет нож в спину – такими были многие женщины в нашем мире. Может, так было из-за того, что не существовало другого способа защититься, а, может, им просто становилось скучно. Прежде чем я узнал Арию поближе, я переживал, что за безупречной внешностью скрывается гадина, но она была чертовски идеальна и внутри, и снаружи. Я был ужасно рад, потому что если бы со мной рядом была женщина типа Нины, все могло закончиться плохо.

– Через четыре дня мне нужна яхта отца. Ты можешь провести следующие две недели в нашем загородном доме, если не хочешь возвращаться в Нью-Йорк, – сказал я ей.

– Я где-то в районе побережья Сардинии. Неужели ты ждешь, что я вернусь лишь потому, что ты решил отдохнуть, – огрызнулась она.

Я был слишком снисходителен к ней с тех пор, как три недели назад умер отец.

– Ты сделаешь то, что я сказал, Нина. Отныне я Дон, и лучше бы тебе вспомнить, что я – сын своего отца. Или ты забыла, на что я способен?

Повисло молчание. Мне не нравилось причинять боль женщинам, но вскоре после ее свадьбы с отцом я застал ее в тот момент, когда она была Маттео. Мне было только десять, но я

был уже одного с ней роста и к тому же силен. Я схватил ее за горло и, вероятно, не отпустил бы, если бы в этот момент не вошел отец. Нина увидела это в моих глазах – то, что я был убийцей. Отец не оставил на ней живого места за то, что тронула его сыновей, хотя сам постоянно пытал меня и Маттео, желая сделать сильнее. Через год я впервые убил, а через шесть лет – раздавил горло своего кузена. Это то, что я хотел сделать с Ниной, когда она причинила боль моему брату. Нина знала это.

– Как ты можешь просить меня вернуться, если знаешь, что я все еще скорблю? – Она добавила в свой голос эту раздражающую дрожь, будто бы была готова разреваться, хотя мы оба знали, что это не так.

– Не лги, – прошипел я. – Ты ненавидела папашу так же, как и я. Ты хотела сама его убить, так что не притворяйся, что печалишься из-за его кончины. И я отлично знаю, что кое-что выебывал тебя, как последнюю суку, на гребанной отцовской яхте.

Нина прочистила горло. Неужели она думала, что у меня нет связей на Сицилии? Мой двоюродный дед был там Доном Семьи, и, конечно же, один из его людей приглядывал за ней. Я видел ее фотки с двадцатилетним шкипером и что они делали на столе. Она ничуть не выглядела скорбящей. Сейчас Нине чуть за тридцать, поскольку в тот момент, когда ее заставили выйти за папашу, ей было только девятнадцать. И мне было глубоко по хер, если она отрывается, пока это не становится для меня проблемой.

– И, Нина, я – Дон. Я могу передумать и выдать тебя замуж вновь. В моем окружении достаточно мужчин, у которых манера поведения очень схожа с отцовской.

Она глубоко вздохнула. У меня не было никаких планов выдавать ее за кого-то другого. Не важно, насколько сильно она бесила меня, она достаточно настрадалась во власти отца.

– Ты можешь забрать яхту, но я не вернусь в Нью-Йорк, – тихо произнесла она.

– Мне все равно, ты можешь хоть переехать в Италию. Поверь, я не соскучился. – Прежде чем повесить трубку, я добавил: – И пусть кто-нибудь вылизет каждый миллиметр яхты. Я не хочу обнаружить следы того, как ты там трахалась, поняла?

Она ахнула, но я не стал дожидаться ее ответа.

После звонка Нины я нуждался в долбанном отдыхе, но для начала нужно пережить встречу с Младшими Боссами Семьи, двое из которых были моими дядями, а еще двое – мужьями моих тетей. Я вышел из кабинета и направился к самой последней двери в глубине «Сферы».

Я вошел внутрь. Остальные уже собрались за овальным деревянным столом. Выражение на лице Маттео не предвещало ничего хорошего. Похоже, я вовремя к ним присоединился, иначе бы мой братец скоро кого-нибудь убил.

Мужчины поднялись, в том числе и Маттео. Он знал, как все должно выглядеть со стороны, пусть никогда и не относился ко мне как к Дону, когда мы были наедине. Но дядя Готтардо не торопился поднимать свою жопу со стула. Вероятно, таким образом он показывал, что не уважает меня.

Я дал знак, что можно садиться, и скользнул по ним взглядом. Там были дядя Эрмано, младший брат отца, занимавший пост Младшего Босса в Атланте, и дядя Готтардо, правивший от моего имени в Вашингтоне. Напротив них сидел дядя Дюрант, который управлял Питтсбургом и был мужем тети Кримеллы, а рядом с ним сидел дядя Феликс, муж тети Эджинии и Младший Босс в Балтиморе. Младшие Боссы, управлявшие Чарльстоном, Норфолком, Бостоном и Филадельфией не были моими родственниками – как минимум не настолько близкими, чтобы считаться частью семьи. Всем было, как минимум за сорок, как максимум – под семьдесят, кроме меня и Маттео. Дядюшки думали, что я слишком молод, чтобы быть Доном. Они не говорили об этом прямо, но я знал их мысли по их взглядам, которыми они обмениваются, по редким вызывающим комментариям.

– Нам многое нужно обсудить. Знаю, это лишь второе наше совещание, и вам еще придется привыкнуть к моей манере решения проблем, но я уверен, что мы можем контролировать исходящую от русских угрозу, если будем действовать как единое целое.

– Во времена твоего отца Братва бы никогда не посмела напасть на поместье Витиелло. Они демонстрировали уважение, – произнес Готтардо. В его глазах сияло презрение. Он все еще ненавидел меня за то, что я раздавил горло его сыну шесть лет назад, но мой кузен получил то, что заслужил, попытавшись убить меня и Маттео, чтобы укрепить свои позиции. Если бы все зависело только от меня, Готтардо разделил бы его участь. Я все еще сомневался, что Готтардо не был замешан в этом. Отец по каким-то необъяснимым причинам верил его заявлениям о невиновности, но я не доверял этому человеку. Если бы мне пришлось укрепить свое положение Дона кровью, я бы начал с него.

– Отец получил пулю Братвы в голову. Как тебе такое уважение? – спросил я ледяным голосом, подходя к своему месту за столом. Я не стал садиться. Пусть им придется запрокинуть их долбаные головы, чтобы смотреть на меня. Я должен дать им понять, кто отныне правит этим городом, всеми ними. Мне было по хуй, если они недовольны тем, что я стал Доном в свои двадцать три. И я убью каждого выблядка в комнате, если в этом случае я останусь у власти.

Маттео ухмыльнулся. Он сидел в своей любимой позе – закинув ноги на стол. Пока говорил Готтардо, Маттео вынул нож и вертел его в руках. Он бы определенно предпочел пустить кровь нашему дядюшке.

Готтардо и другие дяди нервно поглядывали в его сторону. Они бы никогда не стали Младшими боссами, если бы не мой отец. Они заслужили свое положение и были теми, кого я был должен убедить в своей силе, поскольку они пользовались уважением солдат.

– Нужно отправить им новое послание, – резко произнес Готтардо.

Я обошел стол и оказался у его стула. Он попытался встать, но я усадил его обратно.

– Я отправил им Виталия по кускам. К письму с предупреждением прилагался его отрешенный член. Думаю, им предельно ясно. Вопрос только в том, дошла ли до тебя, Готтардо, что я – твой Дон.

Ему пришлось всячески выгибать шею, чтобы встретиться со мной взглядом. В поисках поддержки он взглянул на сидящего рядом Эрмано, затем на других моих дядей. Никто не шевельнулся, чтобы прийти ему на помощь.

– Тебе стоило бы побольше уважать старших. Может, остальные и слишком трусливы, чтобы произнести это вслух, но ты не должен был становиться Доном. Ты можешь быть сильным и жестоким, но ты слишком молод, – пробормотал он, пытаясь спасти собственную гордость.

Маттео опустил ноги со стола, ухмылка исчезла.

– И кто же, позволь спросить, должен был стать Доном вместо меня? Ты, дядя? – произнес я тихим голосом. – В конце концов, твоя семья уже пыталась помешать мне стать Доном, и твой сынок поплатился за предательство.

Готтардо вскочил на ноги, и на этот раз я не стал его удерживать. Он едва доставал до моего носа, так что если он думал, что может меня этим впечатлить, то он ебанный идиот.

– Он был бы куда лучшим Доном, чем ты. Я был бы лучше. Ты, как и твой отец, недостойны этой чести.

– Сейчас, Готтардо, ты говоришь чушь и сам это знаешь, – пробормотал Дюрант. Его глаза нервно метались между мной и Маттео.

Я одарил Готтардо ледяной улыбкой.

– Очень похоже на то, что ты нарушил свою клятву, ведь я – твой Дон.

– Я никогда не давал клятву следовать за тобой.

Эрмано схватил своего брата и попытался усадить обратно, но Готтардо воспротивился.

– Заткнись, Готтардо, ради всего святого. Что на тебя нашло?

– Нет, – выплюнул он. – Сначала Сальваторе, теперь он. Я не намерен следовать приказам кого-то, кто годится мне в сыновья. Если бы не его отец, он бы не был Доном. Он унаследовал это, но не заслужил.

– Если бы мы не были семьей, я бы отрезал тебе язык, – произнес Маттео, подходя ко мне сзади.

Я хотел убить Готтардо на месте, хотел раздавить его горло, как когда-то его сыну. Все эти годы я был на сто процентов уверен, что именно он подослал сына убить меня.

Я посмотрел на каждого из Младших Боссов.

– Как быстро вы сможете собрать всех капитанов и их солдат для встречи?

Мансуэто, Младший Босс Филадельфии, поднялся, тяжело опираясь на трость. После того, как три месяца у него случился второй сердечный приступ, он превратился в тень того человека, которого я знал. Его семья была преданна мне до мозга костей. Его смерть вызовет много проблем. Филадельфия для меня важна, а его сын лишь на четыре года старше меня.

– Вечером. Самое позднее – завтра утром.

Остальные согласно кивнули, все, кроме Готтардо, который смотрел на меня с подозрением, и Эрмано, который произнес:

– Моим людям понадобится не менее пятнадцати часов, чтобы добраться сюда из Атланты. И я не знаю, удастся ли всем сделать это так быстро. Завтрашнее утро было бы предпочтительнее, если ты хочешь собрать всех.

Маттео вопросительно взглянул на меня, но я неотрывно следил за Готтардо.

– Тогда завтра утром. Позовите всех. Я хочу, чтобы завтра каждый член Семьи принес мне свою клятву.

Готтардо усмехнулся:

– И что же вынуждает тебя думать, что они это сделают? Может, они предпочитают кого-то другого на месте Дона.

Я кивнул.

– Я позволю тем, кто считает себя более достойным, бросить мне вызов. Ты можешь выступить против меня. Если тебя поддержит большинство солдат, я отступлю.

Маттео смотрел на меня так, будто я рехнулся, но я знал, что это был единственный способ заткнуть рты всем сомневающимся во мне из-за возраста.

– Завтра в одиннадцать на территории заброшенной электростанции в Йонкерсе, – приказал я. Мужчины обменялись взглядами. Там прошла последняя в истории Семьи кровавая баня, а пресса прозвала это место Вратами в Ад. Я усмехнулся, глядя на Готтардо. – Удачи, дядя.

Я развернулся и пошел прочь, оставляя их переваривать услышанное. С меня же было достаточно. Пока я не получу полную поддержку Семьи, не было никакого смысла обсуждать Братву.

Маттео догнал меня.

– Лука, ты – Дон. Зачем ты рискуешь всем?

– Нет, – ответил я. – Мои люди должны поклясться мне в верности.

Маттео остановил меня, положив руку на плечо.

– Тебе стоило перерезать дяде Готтардо глотку. Это бы тоже заткнуло шепотки сомнеющихся. Мы же не ебанный Сенат. Мы не выбираем Дона, Лука.

– Я – самый молодой Дон в истории и должен заткнуть всех своих врагов. Это будет единственный раз, когда я позволю им открыть рот.

– А ты уверен, что завтра все еще будешь Доном? – тихо спросил Маттео.

– Семья нуждается в силе. Нуждается в жесткой руке. Мои люди знают это.

И все знают, что нет никого, кто мог бы отомстить более жестоко, чем я. Маттео кивнул, затем сжал мое плечо.

– Надеюсь, ты прав, потому что, если нет – завтра будет кровища.

Я встретился с ним взглядом.

– Больше никогда я не склоню голову перед чужими приказами. Либо я буду править всем восточным побережьем, либо погибну в бою.

– Знаю. Если все пойдет не по плану, у нас есть ножи и пушки, чтобы расчистить себе путь. А еще мы оба можем умереть. Ненавижу об этом говорить, но я действительно думать не могу о смерти до того, как трахну Джианну хотя бы раз.

Я покачал головой.

– Может, я спасу нас от кучи проблем, если мы завтра умрем.

Он усмехнулся.

– Мне нравятся проблемы, – произнес он, будто бы я этого не знал. – Ты расскажешь Арии?

Я помедлил. Я должен найти способ обеспечить ей безопасность, если все пойдет через жопу. Вокруг меня было множество мужчин, которые с удовольствием бы наложили свои лапы на нее, но этого никогда не случится.

– Нет, – ответил я. – Я не хочу, чтобы она из-за меня беспокоилась.

Глава вторая

АРИЯ

Что-то было не так. Я поняла это, стоило Луке вернуться поздно ночью домой, мои подозрения подтвердились на следующее утро, пока я наблюдала, как он хватается пистолет и ножи. Два ножа пристегнуты спереди, два – на спине, еще два чуть ниже. И два у икр. Лука сказал мне тоже подготовиться, но не назвал причину. Он никогда особо не делился информацией, но что-то, должно быть, вчера произошло во время встречи с Младшими Боссами, раз он созвал на встречу всех членов Семьи.

– Лука, я начинаю переживать, – тихо сказала я, пока расчесывалась.

– Не переживай, – просто ответил он, беря меня за руку и прижимая к своей груди. – Просто я помешан на безопасности. Ты проведешь утро с Ромеро. Он не спустит с тебя глаз.

– Я переживаю за тебя, а не себя, – сказала я, нахмурившись.

Выражение его лица смягчилось, а затем он усмехнулся.

– Меня сложно убить.

Я вздрогнула.

– Кто-то попытается убить тебя сегодня?

Лука поцеловал меня в губы, а затем крепко, почти болезненно, обнял, прежде чем отпустить. Держа меня за руку, он пошел к лестнице, где внизу нас уже ждал Ромеро. Он был очень взволнован, но быстро скрыл свои эмоции, когда заметил мой взгляд. Но было уже поздно.

– Лука, – прошептала я. – Что происходит? Я думала, это просто встреча Семьи.

Ромеро и Лука обменялись взглядами, затем Ромеро кивнул и направился к входной двери.

Лука обхватил мои щеки. Я искала в его глазах успокоения, но он закрылся от меня. Страх сковал мою грудь, на глаза навернулись слезы. Может, он и пытался скрыть от меня реальную ситуацию, но я была дочерью Консильери чикагского Синдиката. Я знала правила, знала привычки мафиози. Новый Дон означал смену власти.

Лука покачал головой.

– Нет, – прорычал он. – Никаких слез.

Я моргнула и глубоко вздохнула.

– Ты вернешься ко мне.

Это был больше вопрос, чем констатация. Мрачная решительность появилась на лице Луки.

– Всегда. Даже если мне придется расправиться с тысячей человек.

Я верила ему! Он еще раз поцеловал меня и попытался отойти, но я крепко держала его за талию.

– Ария, – произнес он тихо, но я не отпустила его. Лука подал Ромеро знак, и через мгновение тот взял меня за плечи и аккуратно отвел от Луки. В последний раз взглянув на меня, Лука покинул наши апартаменты. Двери лифта закрылись за его сильной спиной.

– Пойдем, Ария, – мягко произнес Ромеро, отпуская меня. – Нам тоже следует ехать.

– У него проблемы? Все из-за того, что он молодой Дон?

Ромеро покачал головой.

– Лука не хочет, чтобы ты знала подробности. Не проси от меня ответов, которые я не смогу тебе дать.

ЛУКА

Электростанция в Йонкерсе с ее красновато-коричневым кирпичным фасадом возвышалась рядом с рекой Гудзон и казалась разрушающимся пережитком прошлого, как и мои дяди.

– Врата в Ад, – пробормотал Маттео себе под нос, пока мы парковались у входа. Заброшенные окрестности электростанции были забиты десятками автомобилей.

Врата в Ад... Пресса стала именовать так это место в последние годы из-за столкновений группировок. Последняя кровавая баня бы устроена Семей, и, вероятно, сегодня произойдет еще одна. Ромеро отправится с Арией на прогулку по городу. Я не хотел, чтобы она была в апартаментах или особняке, если дела пойдут плохо. Если Маттео и я умрем, Ромеро отвезет ее в Чикаго. Синдикат должен защитить ее.

Две дымовые трубы поднимались в небо словно оружейные стволы. Я, как всегда, спрятал свои пушки под полами пиджака. Надеюсь, они сегодня не пригодятся. Мы с Маттео прошли через скрипучие ворота, мимо изъеденных ржавчиной труб, в главное помещение. Сотни людей повернули головы в мою сторону, пока я шел мимо. Спереди стояли солдаты из Нью-Йорка и Бостона – те, с кем я часто работал в последние годы, но в рядах позади них я заметил много незнакомых лиц: солдаты их Вашингтона и Атланты, из Кливленда и Филадельфии и других городов восточного побережья, находящихся под моим руководством. Некоторые из них никогда не видели меня лично, только слышали рассказы и видели фото в прессе. По их рядам прошелся шепоток. Я не надел костюм-тройку, как делали мой отец и Дон до него. Я был в темно-серой рубашке с закатанными рукавами, чтобы продемонстрировать стальные мускулы.

Я не стал залезать на одну из высоких трибун, с которых открывался прекрасный вид на зал. Расстояние лишь снизило бы эффект от моего высокого роста. Я хотел, чтобы мои люди видели меня вблизи, особенно те, с кем мы не встречались раньше. Я вскочил на низкую бетонную платформу с остатками ржавых болтов и орбернулся к Семей. Маттео остался в стороне. Если бы он сейчас был рядом со мной, сложилось бы впечатление, что мне нужно подкрепление, но сегодня я должен был показать своим людям, что могу справиться со всем самостоятельно.

Я поднял руку, и все тут же затихли. Готтардо стоял впереди, глядя с едва скрываемым презрением.

– Спасибо, что откликнулись на мой призыв, – произнес я. – Знаю, что Доны до меня никогда не созывали встречу такого масштаба, но времена меняются; хотя мы связаны традициями и правилами, которые я всегда чтил, кое-что нуждается в изменениях. Мы должны подстраиваться для того, чтобы Семей оставалась сильной, чтобы мы смело могли преодолеть будущие угрозы и сделаться сильнее.

Большинство собравшихся кивнули, но выражение лиц некоторых из них продолжали оставаться скептическими. Среди них были мои дяди Готтардо и Эрмано.

– В знак моего уважения ко всем вам я созвал вас на эту встречу, чтобы вы смогли высказать то, что вас беспокоит, перед тем как принесете клятву верности мне.

Все были поражены и вновь зашептались.

Я указал на Готтардо, который тут же выпрямился.

– Я предоставляю слово одному из моих критиков, моему дяде Готтардо Витиелло, Младшему Боссу Семей в Атланте. Некоторые из вас должны были слышать о нем.

Готтардо всегда больше говорил, чем делал. Я сомневался, что многие видели его за пределами офиса.

Готтардо вышел вперед и с трудом забрался на платформу. Прошло много времени со дня его последней схватки, о чем свидетельствовал выпирающий живот. Он слегка кивнул мне,

и я вновь задался вопросом, что было бы, если бы я последовал совету Маттео и перерезал его глотку.

Готтардо прочистил горло и развел руки пошире.

– Я не подразумевал неуважение. Все, кто знают меня, знают и то, что я человек, преисполненный уважения, – начал он, и я едва удержался от того, чтобы не закатить глаза. Он был преисполнен только умения трепаться за спинами людей.

– Но некоторые вещи должны быть озвучено для блага Семьи. Нам нужна сильная и опытная рука, которая поведет нас. Лука силен, но слишком молод, слишком неопытен.

Ошеломленный шепот усилился. Мое лицо ничего не выражало. Если бы мои люди подумали, что слова Готтардо могли как-то задеть меня, они сочли бы их правдой.

– У нас множество Младших Боссов, у которых за плечами десятилетия опыта. Один из них может быть Доном, пока Лука не станет старше.

Ебаная брехня! Стоит мне отойти в сторону, Готтардо, мои другие дядюшки и их сыновья сделают все возможное, чтобы все так и оставалось, даже если им придется воткнуть нож мне в спину.

Я вновь поднял руку с ледяным выражением лица.

– Чье имя внушает уважение Синдикату? Чья месть вызывает страх у Братвы? Я – член Семьи уже двенадцать лет. Я убил около двух сотен врагов. Это мое имя они в страхе произносят шепотом – Тиски. Они боятся меня, потому что мои действия говорят громче, чем мой возраст, потому что я способен сделать то, что должен, и не важно насколько кровавым, опасным или беспощадным это может быть. Ты старше, дядя Готтардо, это правда, но как много схваток ты прошел, скольких пытал, скольких врагов убил? Ты стар. И именно это сохранит тебе жизнь сегодня. Я не убью тебя за выступление против твоего Дона, потому что уважаю возраст. Я уважаю старших до тех пор, пока они уважают меня, потому в следующий раз, когда ты решишь взбунтоваться, ни твой возраст, ни твой статус не остановят меня.

Я взглянул на сотни мужчин, стоявших передо мной.

– Те, кто сражаются рядом со мной, знают, что я – именно тот Дон, который нужен Семье в это время. Я знаю, как драться, в отличии от многих прежних Донов, которые проводили время, спрятавшись за рабочими столами и спинами охранников. Но я также могу проявлять дипломатичность, доказательством чему может послужить мой союз с дочерью Рокко Скудери.

– Я не желаю видеть шлюху из Синдиката в Семье! – раздался низкий мужской голос.

Мои глаза метнулись в его направлении. Маттео взглянул на меня с чертовски сумасшедшей ухмылкой. Врата в Ад. Этой ночью прольется кровь.

– Кто произнес это? – спросил я.

Несколько человек заездили справа от меня. Я уставился на них. Среди них был какой-то высокий ублюдок, которого я не знал, вероятно, один из людей Готтардо. Он встретил мой взгляд.

– Кто? – рыкнул я.

– Я, – признался он твердым голосом.

Я прыгнул с платформы и направился к нему сквозь расступающуюся толпу. Маттео шел следом за мной. Мои люди наблюдали за мной с уважением и обожанием. Многие из них были куда ниже меня, и когда я остановился около ублюдка, который позволил себе оскорблять Арию, ему тоже пришлось приподнять голову, хотя он был ростом под 190 сантиметров. Я знал, как выгляжу для большинства людей – как восставший из Ада Дьявол.

– Предпочитаю знать имя того, кого убью. Так как тебя зовут?

– Джованни, – ответил он, стараясь говорить невозмутимо, но у него ничего не вышло. Пот выступил над его верхней губой, а его рука лежала на кобуре у пояса.

– Джованни, – произнес я своим самым опасным тоном, подходя еще ближе и взглядом давая ему понять, что его ждет.

Он отступил на шаг, всего один, но все увидели это. Мои улыбка стала шире.

– Так как ты назвал мою жену?

Его взгляд метался по сторонам.

– Она стала платой за мир. Она – шлюха, – произнес он, быстро добавив: – Я не единственный, кто так думает.

– Правда что ли? – спросил я, окинув взглядом тех, кто стоял рядом. Большинство из них были солдатами Готтардо. Никто не подтвердил слов Джованни, но я мог представить, что Готтардо наговорил им. – Может, они смогут помочь тебе, Джованни. Надеюсь, кто-то из них подтвердит это, что я смог разорвать и их на части.

Джованни вздрогнул, пальцы обхватили ручку пистолета. Моя рука устремилась вперед, хватая его за горло, а затем я швырнул Джованни на землю. Я вдавил колено ему в грудь, чтобы удержать на месте. Он задыхался, пока мои пальцы перекрывали ему доступ к кислороду. В его взгляде была паника, пока он боролся со смертью. Его сопротивление слабело, он выгибался и вздрагивал, но я не ослабил хватку. Я протянул руку Маттео.

– Нож.

У меня был свой, но пришлось бы отвлечься от сопротивляющегося ублюдка, пока буду доставать оружие из чехла. Маттео передал мне свой любимый нож с коротким, острым клинком, который резал плоть словно масло. Глаза Джованни расширились от ужаса и нехватки кислорода.

Он был готов потерять сознание, но я отпустил его горло, и его рот распахнулся, чтобы сделать глоток воздуха. Я просунул руку между его челюстями, чтобы распахнуть его шире и опустить нож на его язык. Он попытался закрыть рот, но лезвие скользнуло по его плоти. Боль охватила мои пальцы, когда он сомкнул челюсть на них, но я откинул нож и потянулся к его полуотрезанному языку, а затем сильным рывком выдернул его. Его глаза закатились, кровь заполняла рот. Вздрагивая, он упал на бок. Вскоре он умрет либо от потери крови, либо захлебнувшись ею.

Со скользким языком в руке я обернулся к своим людям, чтобы показать, что вижу каждого, затем я отбросил этот окровавленный кусок плоти на землю и вернулся на место. Мои руки были в крови. Я запрыгнул на платформу и взглянул на толпу, даже не пытаясь вытереться. Я позволил им увидеть кровь, но большинство уставились на мое лицо, и большое уважение исказило их.

– Моя жена – почтенная женщина, и я убью любого, кто посмеет высказать ей неуважение. Надеюсь, все запомнят это раз и навсегда.

Маттео усмехнулся, поднимая с земли нож. Я кивнул ему, и он заговорил:

– И сейчас, когда мы все посмотрели на своевольный язык Джованни, пришло время принести клятву верности нашему Дону. Те из вас, кто все еще считают, что Лука недостойн быть Доном, могут сделать шаг вперед и не произносить клятву. Ваше дело.

Он сверкнул зубами и вытер клинок о штанину.

Никто не сделал шаг вперед, и когда Маттео положил ладонь на грудь и начал проговаривать слова клятвы «Рожденный во крови, поклявшийся на крови», толпа последовала за ним. Я глубоко вздохнул, глядя на своих людей, пока они наблюдали за мной. Пока что я заткнул своих критиков, запугал их, но так будет не всегда. И все же сейчас я был Доном, куда более сильным, чем мой отец, поскольку дал своим солдатам ощущение, что они выбрали меня. Когда чуть позже я спустился вниз, то взял протянутое Маттео полотенце, чтобы вытереть руку, прежде чем принимать поздравления и рукопожатия солдат.

Мои люди искали моей близости, особенно те, кто никогда прежде меня не видели. Прежде они могли лишь говорить обо мне, сейчас же у них была возможность поговорить со мной. Я дал им то, чего они жаждали. Разговаривал, слушал, хлопал по плечу.

Мансуэто, Младший Босс из Филадельфии, подошел ко мне, опираясь на трость. Его сын Кассио возвышался рядом с ним. Я пожал руку сначала Мансуэто, затем Кассио.

– Твоя жена одарила Нью-Йорк великолепием и светом. В свои почти семьдесят я никогда прежде не видел такой красоты. Подарила ли она нам мир или нет, но ты благословлен тем, что имеешь ее в своей постели.

Я напрягся.

– Отец, – напряженно произнес Кассио, послав мне извиняющийся взгляд.

Мансуэто улыбнулся мне и кивнул.

– Всегда готовый защищать Семью, как и должно быть. Я – старик. Не обращай на меня внимание.

Я знал, что Ария прекрасна. Если бы она родилась в прошлом, она бы была королевой. Ею должны были восхищаться миллионы. Она была бы влажной мечтой миллионов подростков, преследовала бы в фантазиях миллионы женатых мужчин, которые бы не могли отделаться от мыслей о ней, представляя бы ее на месте своих жен, если бы она не была моей женой. Но я был чертовым собственником, и потому она всегда будет только моей. Каждый ее миллиметр.

– Знаю, сегодня не лучшее время, но я должен обсудить с тобой своего преемника, – произнес Мансуэто.

Рот Кассио напрягся.

– Отец, ты ж не сегодня умрешь.

– Но, может быть, завтра, – ответил Мансуэто.

Я перевел взгляд на Кассио.

– И ты примешь наследие своего отца.

Кассио склонил голову.

– Если ты дашь на это согласие. Я молод.

Я усмехнулся.

– Не так, как я. Да и Семья нуждается в молодой крови. – Я обернулся к Мансуэто. – Без обид.

– Ни в коем случае. Некоторые силы в Семье тянут нас назад. Но я верю, что ты справишься с этими проблемами.

Взгляд Мансуэто скользнул туда, где Джованни истекал кровью. Никто не пришел ему на помощь.

– Так и будет.

АРИЯ

Ромеро и я бесцельно ездили по Нью-Йорку около двух часов. Я уже не могла скрывать беспокойство, а хватка Ромеро на руле крепла с каждым мгновением. Это не была не просто встреча Семьи, иначе Лука бы не предпринимал столько мер предосторожности. Я скользила взглядом по улицам, по которым мы проезжали, пытаясь отвлечься от растущей паники – все без толку.

– Лука сильный, Ария, – попытался вновь уверить меня Ромеро, но его слова не заглушали мой страх. Его темные волосы были взлохмачены, потому что он постоянно ерошил их, и столь очевидный признак нервозности распалял мои страхи еще сильнее.

Два часа. А вдруг он не вернется ко мне?

Телефон Ромеро издал сигнал, и он вытащил его. Глаза уставились на экран, напряжение спало. Он улыбнулся.

– Все в порядке. Мы можем ехать домой.

Я откинулась в кресле, прижимая руку к губам, и закрыла глаза, борясь со слезами облегчения. Когда я вновь их распахнула, Ромеро наблюдал за мной с долей удивления, но затем вновь посмотрел вперед.

– Почему? – спросила я тихо. – Почему ты так удивлен?

– Мало кто думал, что твое замужество с Лукой приведет к чему-то хорошему. Большинство полагают, что ты будешь праздновать его смерть, – осторожно произнес он.

– А как думаешь ты? – спросила я.

Он пожал плечами.

– Ромеро, думаю, я заслуживаю правды.

– Когда я впервые увидел тебя, тебе было лишь пятнадцать, я почувствовал к тебе жалость. Не пойми меня неправильно. Я уважаю Луку больше, чем кого бы то ни было. Он – мой Дон, но я годами сражался рядом с ним. Я знаю, что такая жизнь делает с людьми, видел, что творил Сальваторе Витиелло с Лукой и Маттео. Лука был рожден и воспитан, чтобы стать Доном.

– Я знаю, кто он, – твердо ответила я. – И люблю его.

Ромеро слегка улыбнулся мне, его карие глаза потеплели.

– Знаю. Когда ты закрыла его собой от пули, все стало предельно ясно, но это все еще удивляет меня.

– Меня тоже, – признала я со смешком, потому что еще несколько месяцев назад я была среди тех людей, которые полагали, что стать молодой вдовой – это лучшее, что могло бы со мной случиться.

– Он сделает для тебя все, что угодно, ты же знаешь?

Я нахмурилась.

– Если это не навредит Семье.

Губы Ромеро изогнулись в ироничной улыбке, но он ничего не сказал.

* * *

Тьма таилась в глазах Луки, когда от вернулся вечером после встречи с Семьей. Я читала журнал о путешествиях, где рассказывалось о юге Италии, лежа на диване в гостиной, но кинулась к нему сразу же, как Ромеро скрылся в лифте, обхватила его руками за талию, уткнувшись лицом в грудь. Я ощутила запах крови, но под ним скрывался родной мускусный аромат Луки. Лука обнимал меня некоторое время, пока я чуть не отстранилась, чтобы взглянуть ему в лицо.

– Ты в порядке? – спросила я, едва дыша.

Он ничего не ответил, только погладил по волосам. Улыбаясь, я схватила его руку и поднесла к губам, целуя костяшки. Когда я отодвинулась, то заметила запекшуюся кровь между его пальцами. Я застыла прежде, чем успела взять себя в руки. Я и раньше видела кровь. На рубашках и теле Луки, на каждом сантиметре пола в поместье после атаки Братвы, но всякий раз это было для меня неожиданно.

Лука поморщился и убрал руку.

Я взглядела ему в глаза.

– Что произошло? – Когда стало понятно, что он не собирается мне отвечать, я вновь схватила его за руку, чтобы показать, что следы крови меня не беспокоят, и придвинулась еще ближе. – Прощу, расскажи мне. Ты можешь мне доверять.

– Я не хочу пачкать тебя ужасами своей жизни.

– Эти ужасы не пугают меня. Я здесь, чтобы помочь тебе разобраться с ними.

Мои слова его явно не убедили, но все же он ответил:

– Сегодня на встрече я сделал кровавое заявление.

– Кровавое заявление, – повторила я. Я слышала об этом прежде. – Ты убил одного из своих солдат?

Он поднял руку и провел ею от моей щеки к горлу, затем по моему плечу.

– Такая невинная, – мрачно прошептал он.

Я поджала губы.

– Не такая уж и невинная, благодаря тебе.

Подразумевался сексуальный подтекст, что-то, что поднимет ему настроение, но Лука кивнул, в его взгляде застыло раскаяние.

– Все еще помню первый раз, когда увидел тебя. Бля, ты же была ребенком!

– Теперь же это не так, Лука, – возразила я ему. – Да и ты старше меня лишь на пять лет. А говоришь так, будто ты старый ублюдок.

– Даже в день нашей свадьбы ты была так по-детски невинна! Тебя нужно прятать, защищать. Ты чиста, а я не такой. Может, я не сильно старше тебя, но я куда больше сделал и видел.

Я не была уверена, говорит ли он о том, что делал в качестве члена мафии или же как всем известный бабник. Я знала, что у него было множество женщин. Стоит лишь глянуть в прессу, и все вопросы отпадают. И я не очень понимала, к чему он клонит.

– Ты никогда не казался сильно обеспокоенным тем, что я неопытна...

– Нет. Ты же знаешь, какой я собственник. Я бы убил любого, кто был с тобой прежде, так что это даже хорошо, что я твой единственный.

Я раздраженно вздохнула, но почувствовала, что его настроение немного улучшилось.

– Как много женщин у тебя было? Первый секс у тебя был в тринадцать, так что у тебя было десять лет до того, как мы поженились.

Я размышляла об этом время от времени, пусть и не была уверена, что хотела знать ответ, но так я смогу отвлечь Луку от демонов, которых всколыхнула сегодняшняя встреча.

Выражение лица Луки стало нечитаемым.

– Не важно. Это прошлое.

– Но я бы хотела знать.

– Не важно, сотня или тысяча была до тебя, потому что сейчас есть только ты, Ария, – просто ответил Лука.

Я вздохнула. Может, он был и прав, но я не могла так просто отступить.

– Тысяча? – переспросила я, распахнув глаза.

Он усмехнулся.

– Хорошая попытка. Ну, давай так: я брал все, что мог получить.

– А получить ты мог многое, – заключила я.

– Неважно, – пробормотал он, прежде чем поцеловать меня. Я знала, что не стоило так делать, но не могла перестать думать о том, как мужчина, который имел так много женщин, мог удовлетвориться только одной, учитывая то, что все, что она знала о сексе, она выучила от него.

Глава третья

АРИЯ

Октябрьское солнце целовало мою кожу, пока мы выходили из частного самолета в аэропорту Палермо. Если в Нью-Йорке погода была серой и дождливой, Сицилия встретила нас солнцем и теплом.

Я приподняла лицо, позволяя солнечным лучам коснуться моей кожи. Готовясь к теплоте климату, я надела оранжевое платье в пол с эффектом омбре и золотым ремнем на талии и мои любимые золотистые сандалии на плоской подошве.

Рука Луки, лежавшая на мне, напряглась. Он угрожающе нахмурился в сторону нашего пилота, который пялился на меня. Я потянула его за руку, и Лука посмотрел на меня, напряжение исчезло.

– Ты слишком красива.

– Ага, – сказала я со смешком. – Пошли. Хочу увидеть яхту.

Именно так. А еще я хотела убраться подальше от пилота, прежде чем Лука решит сломать ему парочку ребер. Водитель ожидал нас рядом с белым Мазератти SUV, когда мы вышли из аэропорта.

– Это солдат сицилийской Семьи. Мой двоюродный дед – тоже Дон.

Мои глаза распахнулись.

– О, правда? Ты видел его прежде?

– Дважды. Он не был на похоронах моего отца, потому что в то время ему ставили кардиостимулятор. Ему за семьдесят, так что в какой-то момент его внук Алессандро встанет у руля.

– Не сын?

– Мертв. Убит Каморрой. Они управляют Неаполем и Кампанией.

– Ох. А каково положение Каморры в Штатах?

– Они держатся на западе. Бенедетто Фальконе такой же чокнутый, как и они.

Мы подошли к машине. Наш водитель, высокий парень примерно одного возраста с Лукой, с темными волосами и щетиной, пожал руку Луке и представился по-итальянски как Алессандро. Лука удивился, а затем ответил на свободном итальянском:

– Не узнал тебя. Давно не виделись. Не ожидал, что мой двоюродный дед пошлет своего внука встречать меня.

Алессандро склонил голову.

– В знак уважения, Лука, как людей чести.

Он повернулся ко мне. Его глаза удивленно оглядели меня. Он произнес по-английски с сильным акцентом:

– Большая честь познакомиться с женщиной с золотыми волосами, принесшей мир между Синдикатом и Семьей.

Я едва не фырнула.

Бдительный взгляд Луки уставился на мужчину.

– А еще она моя жена.

Меня раздражало, что они говорили со мной по-английски, предполагая, что я не знаю итальянского. Возможно, я и была известна всем своей красотой, но я была лучшей в классе и могла бы пойти в Лигу плюща, если бы не была той, кем я есть.

Я улыбнулась, несмотря на раздражение, и ответила на беглом итальянском:

– Не я принесла мир, а Лука, потому что он лучший Дон, которого когда-либо видел Нью-Йорк.

Оба мужчины посмотрела на меня с удивлением, и я приподняла бровь. Признательность вспыхнула во взгляде Луки.

– Дядя ожидает нашего визита сегодня?

Я испытала облегчение, а Алессандро покачал головой.

– Он знает, что ты хочешь насладиться медовым месяцем со своей женой. Но прежде чем вы вернетесь в Нью-Йорк, он был бы рад увидеться.

– Конечно, – ответил Лука. Мы сели в машину. Алессандро помог Луке погрузить чемоданы в багажник. Мы с Лукой сидели сзади, и Алессандро, похоже, не возражал. У меня было ощущение, что Лука хочет приглядывать за другим мужчиной, так что я была рада, когда Алессандро высадил нас у гавани и уехал. Лука катил два наших чемодана к черно-белой яхте, которая была куда больше, чем я ожидала. Лука помог мне забраться на борт, затем разместил наш багаж на палубе.

– Ты умеешь управлять этой штукой? – спросила я.

Лука усмехнулся.

– Да. Это как управлять машиной.

Я сомневалась. Он повел меня вниз, на нижние палубы, которые были воплощением роскоши и шика. Потолок был частично сделан из стекла и открывал вид на небо. Мебель, стены и ковры были выполнены в цветах от белого до кремового с вкраплениями элементов из теплого дерева. Обеденный стол и сидячие места были рассчитаны как минимум на восемь человек. Лука шел до тех пор, пока мы не оказались в главной спальне. Кровать размера king-size была с кремовым балдахином и зеркалами над изголовьем. Я подошла ближе, глядя в зеркала наполовину смущенная, наполовину заинтригованная.

Лука наблюдал за мной, скрестив руки на груди и с голодным выражением на лице.

– Не могу дождаться, когда увижу твое великолепной тело с разных ракурсов, пока буду в тебе.

Мои щеки вспыхнули. Я не была уверена, что мне нравилась идея быть настолько напозаказ, или, что еще хуже, смотреть на себя.

Лука подошел и погладил мою щеку.

– Все еще такая невинная.

Я нахмурилась. Вообще-то нет. Я просто была не в восторге от того, чтобы демонстрировать свое тело под каждым невыгодным углом.

– Я не уверена, что хочу видеть так много себя.

Лука рассмеялся.

– Не говори мне, что стесняешься, Ария. Блядь! Я чуть не убил пилота, наземный персонал и Алессандро, потому что они пялились на тебя, а ты стесняешься этого тела. – Он указал на меня.

– Если люди не видят моих недостатков, это не значит, что у меня их нет.

Он вновь рассмеялся.

– Ты полностью идеальна, Ария, поверь мне. Я видел обнаженными множество женщин, и все они отдадут левую почку за то, чтобы хотя бы наполовину быть столь же прекрасными, что и ты.

– Как мой муж, ты обязан так говорить, – ответила я, но, несмотря на зеркала, начала расслабляться. Что с того, что я недовольна тем, как выгляжу, если Лука считает меня прекрасной?

Он коснулся моей талии и наклонился к моему уху.

– Ничего подобного я не должен. Это правда. А теперь пойдем, пока я не швырнул тебя на кровать и не показал, насколько ты сексуальна для меня.

Меня бы это вполне устроило, но я последовал за ним на верхнюю палубу, а затем в кабину капитана.

– Вау! – произнесла я.

Лука усмехнулся.

– Дай секунду. Мне нужно отвязать яхту от причала.

Через несколько минут он вернулся, встал у руля и запустил двигатель. Я с восторгом наблюдала, как он нажимал кнопки и проверял показатели на дисплеях, в которых я не ровным счетом ничего не понимала. Лицо Луки было максимально сосредоточенным, пока он выводил яхту с пристани в открытое море.

– Мы можем остановиться с тобой где угодно.

Мне нравилась эта идея, очень сильно нравилась, особенно мысль, что Лука будет только мой.

ЛУКА

Я мог сказать, что Ария была так же, как и я, взволнована перспективой того, что океан и уединенные пляжи будут полностью в нашем распоряжении. Я хотел трахнуть Арию на пляже, в океане, на палубе и под тем огромным зеркалом. Все это будет для Арии впервые, и мой член становился каменным лишь от одной мысли об этом.

Она нахмурила лоб.

– А еда?

Возможно, наши мысли не блуждали по одним и тем же темным тропам. Я подавил улыбку.

– Я попросил мою семью забить холодильник и полки продуктами.

– Так нам придется готовить?

Беспокойство Арии раззадорило меня, и я расхохотался. Ария умела готовить примерно так же, как и я. Она определенно не была похожа на итальянских жен прошлого.

– Мы будем голодать или отравимся, – произнесла она, качая головой.

– Мы что-нибудь придумаем, в любом случае я голодный только до одного, – произнес я низким голосом, прижимая к себе Арию.

– Это пока что. Посмотрим, как ты будешь чувствовать себя через несколько дней без нормальной еды.

Она прижалась ко мне, ее грудь касалась моей груди, и я решил поскорее найти место, где можно бросить якорь. Когда мы прибыли в небольшой залив, я поставил яхту на якорь, и мы с Арией отправились на кухню. Мы вместе нарезали зеленый салат и наполнили тарелки чиабаттой, сыром пекорино, оливками и пармской ветчиной, а затем устроились на залитой солнцем палубе и стали любоваться закатом над океаном.

Ария вздохнула.

– Непередаваемо.

Самым невероятным зрелищем из всех был золотой ореол, который заходящее солнце создавало на голове Арии. Она положила в рот кусочек хлеба и смущенно проглотила его.

– У тебя странное выражение лица.

Я покачал головой и съел несколько кусочков ветчины. В итоге мой голод сменился иным, поэтому я отставил тарелку, наклонился вперед и скользнул рукой под край ее платья. Губы Арии слегка распахнулись. Она отправила в рот еще один кусочек сыра. Она все еще стеснялась соблазнять меня, но сейчас практически перестала отводить глаза. Моя рука проследовала выше к мягкому изгибу ее колена. Ее глаза оглядывали окружающие нас скалы.

– Здесь только мы, – сказал ей я. – Я бы не стал рисковать тем, что кто-то увидит то, что было предназначено только мне.

Она отставила тарелку и пододвинулась ближе, позволяя моей руке забраться повыше. Я принял приглашение и скользнул рукой между ее бедер. Мои пальцы поглаживали ее нежную кожу. Она легонько вздохнула, ее глаза засветились нуждой. Она оперлась на руки, запрокинула голову, а ее волосы, словно золотой шелк, рассыпались по плечам, касаясь кожаного диванчика. Слишком прекрасна, чтобы описать словами.

Я двинулся выше и коснулся ее влажных складок. Мои брови приподнялись.

– Никаких трусиков? – прохрипел я, мой член дернулся.

Даже в приглушенном свете я видел, как Ария вспыхнула.

– Я избавилась от них перед ужином.

Я застонал. Блядь, она становилась все лучше! Я погладит кончиком большого пальца ее клитор, и она прижалась ко мне, ее бедро подрагивало. Свободой рукой я задрал ее платье, обнажая ее стройные ноги и киску. Я встал на одно колено и обхватил ее попку ладонями, прежде чем приподнять ее к своему жаждущему рту.

Ария застонала.

– Да, прошу, – пробормотала она, и, блядь, я едва не кончил в штаны. Она пока не была особо разговорчивой на тему секса, и хоть что-то, сорвавшееся с ее уст, звучало для меня дальнейшим призывом к действию. Я знал, что она любит, когда я вылизываю ее, и тоже любил делать это. В прошлом я предпочитал грубо трахать женщин или заставляя их сосать мой член, но ощущение киски Арии во рту было раем. Я никогда не забуду изумление на ее лицо, когда я коснулся ее так в первый раз.

Я поклонялся ей своими губами и языком и дождался, когда она будет близка к разрядке, прежде чем толкнуть в нее палец. Так ей нравилось больше всего. Только один палец, чтобы толкнуть ее через край, пока я посасывал ее клитор, и как обычно я был вознагражден ее криком наслаждение и соками. Блядь! Я любил ее вкус.

Когда ее дыхание замедлилось, я отодвинулся и поцеловал ее колено, прежде чем выпрямиться. Ария смотрела на меня затуманенными похотью глазами.

– Вылезай из платья, *principessa*. Покажи мне свое великолепное тело.

Она встала, сняла платье через голову и кинула на пол. Она была полностью обнаженной. И какие недостатки она в себе видела? Ни единого не было.

Я обхватил ее за талию и прижал к себе, пробуя ее соски, а затем снял одежду. Она обхватила мой член рукой, но я покачал головой.

– Я хочу трахнуть тебя, Ария. На диван, на колени.

Она помедлила, но сделала так, как я просил.

Я помог Арии встать на четвереньки передо мной. Эту позу мы еще не пробовали. У нас был секс, когда я наклонил ее через спинку дивана, но это было чем-то новым, и мне понравился вид ее обнаженной попки.

Я уже пристроился, когда заметил напряжение в спине Арии и ощутил, как напряжена ее киска у головки моего члена. Не зная, что стало причиной такой реакции, я погладил ее по спине, но она не расслабилась. Она была слишком напряжена для того, чтобы я смог войти, не причинив ей боли.

– Ария? – произнес я, стиснув зубы. Мои яйца были готовы взорваться.

Она не ответила, но слегка ссутулилась, а дыхание изменилось. Она плакала? Я обхватил ее за талию, приподнял и развернул к себе. Ее глаза встретились с моими. Она не плакала, но выражение ее лица четко говорило, что она была чем-то расстроена.

– Извини, – тихо произнесла она. – Мы можем попробовать другую позу?

– Сначала скажи мне, почему ты так напряглась? Что не так с позой на четвереньках?

Она опустила глаза, что было чертовски херовым сигналом.

– Это напоминает мне тот день, когда я застала тебя с Грейс.

Я почувствовал себя самым большим ублюдком на планете! Я наклонился и приподнял ее подбородок. Она выглядела чертовски уязвимой.

– Ария, я же говорил тебе, что она просто эпизод из прошлого. Для меня не существует других женщин. Только ты.

– Знаю. И не понимаю, почему не могу забыть это.

Я не знал, что делать с ее болью, и потому поцеловал. Отступив, я прошептал:

– Пойдем внутрь. Я смогу любить тебя в нашей постели. – Когда она помедлила, я обхватил ее щеки и сблизил наши лица. – Ты единственная женщина, с которой я когда-либо занимался любовью, Ария.

Если бы мои солдаты могли меня сейчас услышать, я бы был вынужден устроить новую кровавую резню, чтобы вернуть их уважение.

Хотя когда выражение лица Арии смягчилось, я не жалел о своих словах. Она последовала за мной на нижнюю палубу, в нашу спальню. Она была тихой, и когда я уложил ее на спину на кровати и коснулся пальцами ее киски, я мог сказать, что она не была столь же возбужденной, как прежде. Ее глаза были закрыты то ли из-за зеркала, то ли потому, что она пыталась скрыть свои эмоции от меня. Я лег рядом с ней и погладил ее щеку. Она распахнула глаза, и в них не было боли, потому она просто стеснялась зеркала. С этим я мог справиться.

Я кивнул в сторону зеркала над нами, и она проследила за моим взглядом. Ее нежное тело казалось таким хрупким по сравнению с моим! Ее бледная кожа была слишком идеальной на фоне моих шрамов и мускулов. Ее взгляд остановился на маленьком шраме на плече. Судя по всему, ее беспокоил один крошечный изъян на ее теле – который даже не был гребанным изъяном, поскольку служил доказательством ее любви. Я решил отвлечь ее и вновь возбудить. Я обхватил рукой ее грудь, затем подцепил сосок между указательным и средним пальцами, потягивая его. Ария опустила взгляд.

– Нет, принцесса. Я хочу, чтобы ты видела, как я поклоняюсь твоему телу своими руками.

Она подняла взгляд и больше не уводила его от зеркала. Задышала прерывисто, когда моя рука двинулась ниже.

– Раздвинь ножки, – приказал я, и она послушалась. Я развел ее складочки большим и средним пальцами, обнажая ее клитор. Она приподняла бедра, и я прижал свой указательный палец к нему, начав выводить небольшие круги. Ее губы приоткрылись, пока она толкалась тазом. Вскоре она была возбуждена, как и прежде. Я убрал руку и разместился между ее ног, разводя ноги еще шире и приподнимая ее попку. Ее глаза все еще были сосредоточены на зеркале, и я мог кончить лишь от ее взгляда, в котором было столько похоти и восхищения!

– Да, любимая, смотри, как мой член заявляет свои права на твою киску.

Она задрожала от желания, когда я прижался головкой к ее входу и толкнулся в нее. Ее тело приняло меня, уступая давлению, и от вида моего члена, погружающегося в нее, яйца напряглись. Я придерживал ее бедра и толкался в нее в неспешном ритме. С тех пор как ее ранили, я был медленным и нежным с ней, но сегодня мне хотелось большего. И все же после реакции Арии на палубе я не хотел давить на нее.

АРИЯ

Мне нравилось, как Лука занимался со мной любовью. Я видела голод в его глазах, его губы, сжатые от того, что он контролировал себя. Ему нужно было больше, а я уже была готова дать ему это. Я любила его нежные проявления, но готова была наслаждаться и мрачной, грубой стороной его натуры. Я впиалась пятками в его поясницу, встречая его взгляд в зеркале.

– Сильнее, – выдохнула я, и он тут же отозвался. Он опустился ниже, распределяя вес на ладонях. Голодные глаза собственника буквально сверлили меня. Затем он толкнулся в меня сильнее. Мои глаза вновь уставились в зеркало, и он подбодрил меня.

– Да, принцесса. Смотри на нас.

Я так и делала. Я не смогла бы отвести взгляд, даже если бы попыталась. Лука был великолепен! Мне нравилось наблюдать за тем, как он метит меня. Это возбуждало меня так, как ничто прежде. Мускулы на его спине фантастически перекачивались под загорелой кожей, а его тренированная круглая задница напрягалась при каждом толчке. Он был таким сильным и властным! Весь такой мужественный, альфа-самец, и весь мой!

Он толкался в меня все сильнее, глубже, задевая местечко, о существовании которого я раньше не знала, и я вскрикнула от оргазма. Лука опустил на предплечья, вдавливая сильнее, вдавливая меня глубже в кровать. Его дыхание стало тяжелым, и затем он простонал. Его задница сжалась, лопатки напряглись, когда он кончил в меня, и я едва вновь не испытала оргазм от открывшегося в зеркале зрелища. Как я могла думать, что буду тратить время на разглядывание своего тела, когда я могла наблюдать за Лукой? Я прошлась руками по его мышцам и опустилась ниже к его накаченной заднице, наслаждаясь тем, что этот мужчина был моим. Что не только его тело, но и его сердце принадлежало мне. Прошлое ничего больше не значило, а меньше всего значила Грейс. Я больше не позволю ей испортить ни одной секунды моего медового месяца.

Лука застыл надо мной и зарылся лицом в мои волосы, но когда он приподнялся, я смогла прочесть в его глазах невысказанный вопрос.

– Все в порядке, – ответила я, затем тихо добавила: – Я люблю это зеркало.

Лука мрачно усмехнулся.

– Я знал, что так и будет.

Он выскользнул из меня и прижал к себе. Это было хорошее начало для нашего медового месяца.

* * *

На следующий день мы рано отправились в путь в сторону небольшой рыбацкой деревушки, которая была переполнена туристами в летние месяцы, но оставалась тихой в остальное время года. Мы искали небольшое кафе, чтобы позавтракать, раз уж наша попытка приготовить блины полностью провалилась. Мы устроились за маленьким круглым столиком недалеко от гавани. Лука сидел на крошечном деревянном стуле, и я едва сдерживала смех, пока он не расслабился. Он был куда более расслабленным, чем дома. Конечно, у него был пистолет, спрятанный под одеждой, и нож в чехле на груди, поэтому он надел черную рубашку, несмотря на жару. Здесь было не принято демонстрировать оружие, так что Луке пришлось его замаскировать. Я заказала капучино и бискотти, хотя местные жители обычно приберегали эти вкусы на вторую половину дня. После этого я и Лука прогуливались по набережной под любопытными взглядами.

– Ладно, давай вернемся на яхту, – сказал наконец он. – Я предпочитаю уединение.

Я была вынуждена согласиться. Мы с Лукой попросту привлекали слишком много внимания, что в первую очередь было связано с ростом Луки.

Лука нашел другую уединенную бухту для нас. Я любовалась кристально чистой водой у нетронутых пляжей. Лука протянул трубку и маску для подводного плавания.

– Поплаваем?

Я с удивлением взяла их.

– Никогда прежде не занималась снорклингом.

– А теперь попробуешь, – ответил он. Я ухмыльнулась, глядя на Луку, одетого подобным образом.

– Не думала, что ты из тех, кто занимается снорклингом. В конце концов, ты же не сможешь взять оружие под воду.

Он приподнял темные брови и показал чехол с ножом, который собирался прикрепить к ноге. Конечно, он возьмет с собой оружие.

Он подтолкнул меня к платформе в конце яхты. Я села на край и осторожно соскользнула в воду. Я никогда не заплывала так далеко в открытой воде и потому переживала, что занервничаю, не видя под ногами землю. Однако стоило Луке присоединиться ко мне, как меня почувствовала себя в безопасности. Лука защитил бы меня. Он был, вероятно, самым опасным хищником в этих водах. Я подавила усмешку при этой мысли. В тот момент, когда я погрузила голову под воду и увидела пестрых рыб и завораживающие скалы, то забыла обо всех своих тревогах. Мы с Лукой плавали с маской и трубкой почти целый час.

Потом мы поужинали и отправились на пляж на надувной лодке. Он расстелил на песке одеяло, и я опустилась на него, пока он доставал шампанское из сумки-холодильника и устраивался рядом со мной. Соленый океанский воздух щекотал мой нос.

Он наполнил бокал и передал один мне. Мы чокнулись бокалами и поцеловались. Лука обхватил мою талию рукой, прижимая меня к себе, и мы наблюдали за закатом над океаном, окрашенным в розовые и оранжевые тона.

– Никогда даже не представляла, что все будет так, – призналась я шепотом.

Лука повернулся ко мне.

– Что именно?

– Мы, наш брак, – ответила я. – За три года до нашей свадьбы я много раз пыталась представить, как ты будешь относиться ко мне. Я слушала рассказы Умберто о твоих сражениях, о том, как ты раздавил какому-то человеку горло, как ты впервые убил в одиннадцать. Я думала, что не выживу с человеком, которого он и все остальные описывали.

Я замолчала, мои глаза следили за волнами. Мои страхи были все еще свежи в памяти; всего три месяца назад они заполняли мои сны, а сейчас я сидела рядом с Лукой, держала шампанское и чувствовала себя в такой безопасности, какой еще никогда не ощущала за всю свою жизнь. Лука наблюдал за мной с восхищенным вниманием, но не перебивал меня, так что я продолжила.

– Отец временами поднимал на нас руку. Джианне доставалось чаще, чем Лили и мне, но я переживала, что ты будешь куда более жестоким. – Рука Луки на моей талии напряглась, но я продолжила: – Я действительно была под защитой, но женщины же много болтают, и то, что я слышала от них о том, как многие члены мафии относятся к своим женам, пугало меня. А ведь у этих мужчин даже не было прозвища Тиски. Я знаю, что мы не так долго женаты, но если ты продолжишь относиться ко мне так же, как сейчас, я буду счастливее, чем когда-либо могла представить. Знаю, что могу считать себя счастливницей. Я чувствую это каждый раз, когда другие женщины выступают с какими-то словами утешения или посылают мне взгляды, полные сострадания, потому что я – твоя жена.

Наконец, я встретила его взгляд. Тени играли на острых скулах Луки, но его глаза сияли.

– Почему ты не тот монстр, которого они все боятся, когда ты со мной?

Он ничего не ответил, только глубоко задышал. Я ждала, надеясь, что он что-то скажет.

– Потому что не хочу. Я хочу, чтобы моя супружеская жизнь была хорошей, чистой. Большая часть моей жизни постоянно наполнена насилием и смертями. Жестокость течет по моим венам, и мне нравится быть монстром, которого они все боятся, потому что это моя природа, я наслаждаюсь этим. Но только не с тобой, Ария, я клянусь.

Я приподняла голову.

– Правда? Клянешься чем-то подобным?

Он обдумывал это на протяжении нескольких минут, прежде чем пробормотать:

– Да, пока ты не сделала нечто такое, отчего бы я мог сорваться, нечто непростительное.

– А тогда? – надавила я.

Лука издал низкий рык и коснулся губами моего виска.

– Этого никогда не произойдет.

Я кивнула и сделала еще один глоток шампанского.

– Твой отец поднимал на тебя руку после нашего обручения? – мрачно прошептал Лука.

Я помедлила. Этого было достаточно, и Лука застыл.

– Я предупреждал его, чтобы он не смел даже прикасаться к тебе.

Я коснулась его плеча.

– Все в прошлом, Лука. Не позволяй этому разрушить настоящее.

Я допила шампанское, оставила бокал, затем освободилась из объятий Луки и поднялась на ноги. Стянула платье через голову и отбросила его на песок. Лука пылко наблюдал за мной. Единственный свет исходил от прожекторов нашей яхты и маленькой лампы, которую Лука поставил на одеяло. Ветер развеивал мои волосы, и я улыбнулась Луке сверху вниз.

Он тоже поднялся и скинул одежду. Дрожь возбуждения прошла по моей спине от вида его обнаженного тела. Он подошел ближе и склонился для поцелуя. Мои руки бродили по его груди, царапали живот, а он погладил мою спину и начал удовлетворять меня своими сильными опытными пальцами. Вскоре я захотела ощутить Луку внутри. Его член настойчиво уткнулся в мой живот. Я отступила, задышавшись, пытаюсь выровнять дыхание, прежде чем произнесла:

– Я хочу попробовать ту позу вновь.

Лука кивнул, но я могла сказать, что он был насторожен, пока мы устраивались на покрывале. Я повернулась к нему спиной, затем оперлась на колени и руки. Мой живот свело от нервов. По какой-то причине, эта поза нервировала меня сильнее остальных, будто бы Лука смог бы сравнить меня с предыдущими любовницами. Я видела, как он трахал Грейс, как жестко она позволяла ему себя брать, насколько необузданным был тогда Лука. Мое тело все еще порой сжималось, когда я этого не хотела, а новые позы всегда дарили мне ощущение дискомфорта.

Лука погладил мою спину таким почтительным жестом, что я расслабилась под его прикосновением. Он прижался ко мне, но не входил. Вместо этого он протянул руку и стал поглаживать меня. Я застонала и слегка толкнулась назад так, что головка члена Луки вошла в меня. Он испустил тихий вздох, прежде чем двинуться глубже, и когда он полностью вошел, я поняла, почему это его любимая поза. Он был глубже, чем когда-либо прежде, и я медленно дышала, охваченная новыми ощущениями. Я была так растянута! Лука обхватил мои бедра и медленно вышел, прежде чем снова войти. Он выбрал медленный, нежный темп, и постепенно мое тело привыкало к такому углу. Лука не ускорялся, и, несмотря на дискомфорт, который это вызывало, я задвигала бедрами быстрее, встречая его толчки и показывая ему, что он не должен сдерживаться. Его пальцы на мой талии напряглись, сдерживая меня.

– Нет, любимая, – прорычал он. – Ты все еще слишком напряжена.

– Плевать, – отозвалась я. – Ты можешь двигаться быстрее.

Лука наклонился ко мне, скользнув еще глубже, и я буквально задохнулась, когда он прижался грудью к моей спине.

– Нет, не могу. Потому что это причинит тебе боль.

– Я хочу, чтобы ты испытал наслаждение.

– Я не почувствую наслаждение, причинив тебе боль, поверь, – произнес он хриплым голосом. – У нас вся жизнь впереди, чтобы испробовать каждую позу. Не дави на себя лишь потому, что думаешь, что должна удовлетворять чьи-то ожидания.

Он вышел из меня. Мой стон протеста затих, стоило Луке развернуть меня и усадить на колени.

– Объезди меня. Хочу видеть твое лицо.

Изучая его взгляд, я поняла, что именно этого он и хотел, и улыбнулась, пока опускалась на его член. Мы неотрывно смотрели друг на друга, пока я двигала бедрами, а удовольствие разливалось по телу, и когда напряжение достигло невероятного уровня, я выбрала медленный

темп. Его дыхание участилось, он вцепился в мою талию, а затем я буквально разорвалась от оргазма, а Лука напрягся, запрокинув голову, пока кончал внутрь меня. Я прижалась губами к его горлу, чувствуя его зашкаливающий пульс. Я легонько укусила его, и член Луки дернулся во мне, а сам он застонал. Я улыбнулась. Мой.

* * *

Наши дни на яхте пролетели слишком быстро, и когда мы покидали гавань Палермо в наш последний день, я затосковала.

Казалось, Лука понял это.

– Мы вернемся сюда весной, обещаю.

Я благодарно улыбнулась ему.

Прежде чем мы вернемся в Нью-Йорк, нам предстоял визит к двоюродному дедушке Луки. Я видела, как изменилось поведение Луки, стоило нам сесть в машину Алессандро – он забирал нас с пристани. Лука вернулся в режим «Дона», к постоянной бдительности. В выражении его лица я больше не видела ничего мягкого или нежного. Порой, когда я замечала его взгляды, обращенные на других, я вспоминала собственные страхи из прошлого и ощущала огромное облегчение от того, что это всего лишь воспоминания.

– Насладились медовым месяцем? – спросил Алессандро. В этот раз он не переходил на английский. Он вел светскую беседу, но я могла сказать, что ему это было не по душе.

– Ага, спасибо, – ответила я. Алессандро взглянул на Луку в зеркало заднего вида, будто был удивлен тем, что ответил не он. Я думала, что вопрос был адресован к нам обоим.

– Есть ли какая-то причина, почему мой дед хочет пообщаться со мной, помимо жажды укрепить родственные связи? – Лука сразу перешел к делу.

– Хочет поделиться с тобой некоторыми соображениями, – коротко ответил Алессандро, и от взгляда, которым они обменялись, холодок прошел у меня по спине. Казалось, воздух сгустился. Будто бы два альфа-самца волчьей стаи оказались запертыми в одной клетке.

Через полчаса мы прибыли к большому поместью. Его кремовый фасад и колонны напомнили мне те вилы, которые я видела в Тоскане. Семья Луки сидела за длинным столом во дворе перед центральным входом. Женщины встретили меня поцелуями и объятиями. Они все были удивлены цветом моих волос. У всех у них были темные волосы, как у Луки. Я сильно выделялась. Лука сразу же подошел к высокому пожилому мужчине с усами. Это был его двоюродный дядя, и я тоже подошла к ним, чтобы поздороваться с Доном Сицилийской Семьи. Его темные глаза окинули меня оценивающим взглядом, а затем он улыбнулся:

– Ты, должно быть, гордость Синдиката.

– Я – член Семьи, но спасибо, – ответила я, одаривая его своей самой обаятельной улыбкой, чтобы смягчить произнесенные слова. Он хрипло рассмеялся, а затем потянулся к сигаре. Одну из них он также протянул Луке, который принял ее. Я подавила содрогание. Ненавижу этот запах.

– Зови меня Адальберто, а я буду называть тебя Арией. – Адальберто посмотрел на Луку, взглядом спрашивая позволения. Лука склонил голову.

Конечно же, мое мнение никто не брал в расчет.

– Почему бы тебе не помочь моим дочерям и внукам приготовить еду? – спросил Адальберто.

Рот Луки дрогнул, но, сомневаюсь, что кто-то, кроме меня, это заметил.

– Да, Ария, почему бы тебе не помочь?

Едкий комментарий едва не сорвался с моих губ. Я заставлю Луку заплатить за это позже, когда мы будем наедине.

Я проследовала за женщинами на большую кухню и надеялась, что они дадут мне задание, которое я смогу выполнить. На плите стояло несколько кастрюль, а с крюка под потолком свисал целый ягненок, уже освежеванный, и его мертвые глаза смотрели на меня. Вскоре я оказалась в окружении болтающих итальянских женщин, которые говорили так быстро, что я с трудом их понимала, и принялась за приготовление артишоков. Я никогда не видел, чтобы кто-то их готовил, и совершенно не представляла, что нужно делать. Когда мое невежество стало очевидно, Ливия, младшая сестра Алессандро, которой было всего двенадцать, взяла у меня нож и показала, как надо, но вскоре полностью отстранила меня от работы, так как я успела испортить два овоща. В конце концов мне поручили помешивать суп в одной из кастрюль. Женщины были добры, несмотря на мою бесполезность, но я могла сказать, что они удивились тому, что я не умела готовить.

– Полагаю, мужчины в Америке не ждут того, чтобы их жены готовили? – спросила одна из дочерей Адальберто, кругленькая женщина лет сорока. Я сомневалась, что многие итальянские мужчины ожидали того, чтобы их жены были прекрасными кухарками, но это же женщины из мафии, а мафия плотно застряла в прошлом.

– Посмотри на ее волосы! Кому какая разница, умеет ли она готовить? – произнесла Ливия, и ее щеки покраснели, когда я улыбнулась ей. Ее слова были встречены кивками. Роль тупой блондинки мне не особо нравилась, но я знала, что они не хотели меня обидеть. Все знали, почему Лука женился на мне. Ни у него, ни у меня не было выбора в этом вопросе.

Когда мы позднее подали мужчинам еду, Адальберто спросил, как я, и женщины похвалили мои навыки. Только Лука знал, что это чистейшая ложь. Я никогда не смогу прилично готовить. По напряжению в его глазах я поняла, что его беседа с Адальберто и Алессандро обеспокоила его.

Позже, когда мы остались наедине в самолете, я улучила возможность спросить его об этом.

– Дела для Семьи усложняются даже здесь. Мой дед спросил, заберу ли я Алессандро и его сестер к себе, если все выйдет из-под контроля.

– А ты?

– Конечно. Мы – семья. По соображениям чести я должен поступить так, но Алессандро суждено стать Доном. Ему нелегко будет смириться с моим управлением. Надеюсь, этого не произойдет. – Выражение его лица стало более расслабленным. – Я тут слышал, что ты внезапно стала шеф-поваром. Могу ли я в будущем ждать изысканные ужины?

– Конечно, – сладко ответила я. – Ты же знаешь, как Марианне нравится выкладываться по полной.

Лука усмехнулся. Наша домработница была просто спасительницей, когда дело касалось еды. Она часто готовила несколько блюд про запас и складывала их в пластиковые контейнеры в холодильнике на случай, если мы проголодаемся.

– Ты – ужасная домохозяйка.

Я фыркнула.

– Меня и не растили домохозяйкой. Меня растили трофейной женой.

Слова оставили горький привкус во рту, но это была правда, которую я должна была принять.

Лука покачал головой, его глаза были полны благоговения, пока он смотрел на меня.

– Ты рождена, чтобы быть королевой.

Глава четвертая

ЛУКА

Дни быстро потекли с тех пор, как мы вернулись в Нью-Йорк, и вскоре наступил ноябрь, а вместе с ним и гребанная вечеринка в честь помолвки Маттео и Джианны. Девчонка даже не пыталась скрыть, что не хочет выходить за Маттео.

Если бы это зависело от меня, я позволил бы Скудери выдать ее за какого-нибудь старого говнюка, которого он выбрал для нее до того, как Маттео решил стать ебанным героем и попросить ее руки.

Она принесет в Нью-Йорк только проблемы, и я был рад, что свадьбы намечена только через полгода, потому что дополнительные трудности – последнее, что мне нужно сейчас.

Данте вошел в поместье вместе со Скудери и девятилетним Фабиано, которые следовал за ним как потерявшийся щенок. Джианна и Лилиана прибыли еще раньше с матерью и тут же направились наверх, чтобы подготовиться празднику. Ни одна из женщин не чувствовала себя комфортно рядом со мной.

Данте и Скудери не будут проводить ночь в моем доме. Они предпочли остановиться в отеле поблизости, и это было гребанным облегчением. Может, наши отцы и заключили перемирие, но Данте и я не доверяли друг другу. Я не хотел, чтобы он находился под одной крышей с Арией. Не то, чтобы у него был к ней какой-то интерес. Он официально еще не занял пост Дона вместо своего отца Фиоре Кавалларо, но все знали, что чикагской мафией правит он.

– Все еще не могу выносить их ебанные лица! – пробормотал Маттео. – Особенно Скудери! Мне так и хочется подправить его рожу ножом.

Может, однажды, но не сегодня.

Я шагнул к ним и протянул руку Данте, как того требовали традиции.

– Данте, – спокойно произнес я. Это был мой самый дружелюбный тон. – Слышал, ты буквально недавно обручился. Поздравляю.

Данте склонил голову.

– Свадьба не будет такой же масштабной, как у тебя и Арии.

– Мы сочтем за честь прибыть на нее в любом случае.

Конечно, мы получили приглашение и должны были пойти, даже если мне было плевать, женат Данте или нет.

Данте кивнул. Его глаза были холодными и внимательными. Затем я пожал руку Скудери – слегка сильнее, чем стоило, припоминая, что рассказала мне Ария на Сицилии – он бил ее даже после нашей помолвки, даже после того, как я сказал, что она моя.

Данте нахмурил брови.

– Лука.

Я выпустил его руку.

– Рокко.

– Где Ария?

– Она разговаривает с поставщиком закусок о некоторых изменениях, внесенных в последнюю минуту, но будет здесь в любой момент.

– И Ромеро все еще ее охранник? Никогда не понимал, как ты позволил привлекательному парню, почти ее ровеснику, охранять ее. Я бы не предоставил своей жене подобной возможности.

Как только с миром будет покончено, я выслежу его и покажу, каково это – тонуть в собственной крови. Я холодно улыбнулся, мой голос был жестким:

– Мои люди знают, что она – моя. Никто не посмеет даже посмотреть на нее как-то не так. Люди типа твоего племянник Раффаэле были бы растерзаны в Нью-Йорке, а их кожа высушена так, чтобы стать милым ковром в моем рабочем кабинете.

Лицо Скудери покраснело. Данте встретил мой взгляд так же холодно, как и всегда.

– Полагаю, мы здесь собрались отметить помолвку, а не показательную казнь. – Но его глаза говорили, что он бы предпочел последнее.

Я кивнул.

– Конечно. Мы хотим укрепить наши связи, верно?

– Верно, – резко отозвался Данте, затем последовало молчание.

Рядом со мной Маттео выглядел так, будто бы только и ждал от меня сигнала вытащить ножи и нарисовать улыбку на их глотках.

Мой взгляд переместился на маленькую фигурку рядом со Скудери. Мальчик смотрел на нас огромными голубыми глазами, как у Арии.

– Фабиано, – произнес я, попытавшись смягчить голос, но вышло не особо.

Он взглянул на отца, который коротко кивнул, прежде чем Фабиано шагнул вперед и протянул руку. Я принял ее и пожал, а затем пацаненок прищурил глаза.

– Где Жианна и Лили?

Стремление защищать их проскользнуло в его юном голосе, и я подавил улыбку.

– Он закопал их на заднем дворе, – отозвался Маттео с ухмылкой.

Фабиано вздрогнул, и я зыркнул на Маттео.

– Они наверху, – сказал я Фабиано и слегка усилил рукопожатие, предупреждая его. Он все еще был ребенком, но я не потерплю неуважение на собственной территории.

Фабиано опустил взгляд.

– Не скажу ничего из того, чего бы ты не знал, но тебе придется найти управу на Жианну. Ей нужна сильная рука, – произнес Скудери, и ответная ухмылка Маттео показала максимальный уровень тревоги.

Данте выпрямился. Три года мира. Как долго осталось?

Дверь распахнулась, и вошел Ромеро, проверяя, все ли в порядке, прежде чем позволить Арии пройти. Его темные брови сошлись на переносице, когда он заметил напряжение между нами, и он вытянул руку, чтобы преградить Арии пути. Конечно же, это не могло ей помешать.

Она поднырнула под руку Ромеро.

– Фаби! – позвала она. На ее лице расцвела улыбка, и она поспешила к нам. Она бросилась к брату и крепко обняла его. Неприкрытая радость на ее лице прогнала все жестокие мысли, которые у меня были. Она отодвинулась, рассматривая брата. – Ты опять вырос. Когда ты прекратишь?

– Когда буду таким же высоким, как Лука, – серьезно ответил он.

Ария рассмеялась своим заливистым, словно колокольчики, смехом, который я, блядь, любил больше всего на свете.

– Тогда тебе нужно много есть.

Она подняла на меня взгляд, полный любви и счастья, и мне было непросто удержать жесткое выражение лица. Ее лицо слегка померкло, прежде чем на нее снизошло понимание происходящего, и она повернулась к Данте и своему отцу. Вежливость и достоинство отразились в ее взгляде, когда она ступила к отцу и поцеловала его в обе щеки.

– Папа.

Затем она повернулась к Данте. По тому как напряглись ее плечи, я понял, что он пугал ее, и этого было достаточно, чтобы мне захотелось шагнуть вперед, но рука Маттео на моем

плече остановила меня. Я глянул на него. Сейчас он удерживал меня от того, чтобы я нарушил мирное соглашение. Серьезно?

Должно быть, Данте прочел некоторые мои мысли, потому что его глаза слегка прищурились, прежде чем он взял ее руку и поцеловал. Он быстро отпустил ее, и она отошла назад. Она встала рядом со мной, и я коснулся ее талии. Моя.

– Торт еще не принесли? – спросила она. – Поставщик сказал, что они не могут дождаться до пекарни, и никто не берет трубку, когда звоню я.

Я уставился на нее. Я даже не знал, что мы заказывали торт.

Она вздохнула.

– Думаю, будет лучше, если Ромеро отвезет меня туда. – Она обернулась к брату. – Почему бы тебе не присоединиться ко мне?

Я подавил улыбку. Ария ощутила напряженную атмосферу и захотела увести брата подальше.

Фабиано посмотрел на отца, который махнул ему рукой.

– Все равно только мешаешься.

Ария приобняла брата, ее взгляд напрягся.

– Пойдем! – Она подняла на меня глаза. – Если Джианна и Лили спросят меня, пожалуйста, скажи им, что я скоро вернусь.

Она коротко улыбнулась, но не поцеловала меня. У нас будет время для этого наедине.

– Должен признать, что Ария выглядит на удивление расслабленной рядом с тобой. Учитывая твою репутацию, я думал, она будет съезживаться, – произнес Скудери. – Но, полагаю, некоторые репутации лишь вводят в заблуждение.

– В браке нет места страху, – произнес Данте, и я почувствовал нечто, похожее на уважение к нему.

* * *

Через несколько часов мои подозрения подтвердились, когда Джианна устроила сцену, ясно дав понять о своем нежелании выходить замуж любому, кто имел несчастье оказаться поблизости.

Маттео воспринял это спокойно. Он был мастером игр, и она станет его величайшим завоеванием, или он просто так думает. У меня было предчувствие, что рыжая превратит в ад не только его жизнь, но и мою. Я мог только надеяться, что она не втянет Арию в неприятности, потому что когда речь заходила о ее младших сестрах, Ария теряла чувство самосохранения.

* * *

– Что планируете делать с празднованием Дня святого Сильвестера? – спросил Маттео.

Я поморщился. Я отложил решение этого вопроса. Всякий раз, когда Ария спрашивала, что мы собираемся делать в этот день, я притворялся, что еще не решил, но это была гребаная ложь. Каждый ебанный год я был приглашен на мероприятие в Нью-Йорке – вечеринку сенатора Паркера. Семья долгие годы работала с ним, и предполагалось, что я прибуду туда в качестве нового Дона.

– Я буду там, как и ты.

– А Ария?

Это и было главной проблемой. Она была моей женой, и, конечно же, все ждали, что она тоже будет присутствовать. Я хотел, чтобы она была рядом – если бы не было проблемы в том, что Грейс тоже заявится. Я не видел ее с тех пор, как Ария застукала нас вместе, и я убедил сенатора отправить ее в Англию, но она должна была вернуться к вечеринке.

– Она пойдет с нами.

– Назревает скандал, – пробормотал Маттео.

Будто бы я сам не знал! Мне было похер на скандал, но я переживал из-за чувств Арии.

– Ты уверен, что Грейс не устроит сцену? Ты никогда не бросал ее официально.

– Я никогда не расставался с ней, потому что никогда и не встречался. Я трахал ее, как и других баб.

Еще одной причиной того, что я больше не хотел ее не видел, было то, что она заплатила Рику, чтобы тот подкинул наркотики в напиток Арии. Если бы она не была женщиной и, что куда более важно, дочерью сенатора, я бы пристрелил ее.

– Грейс может не согласиться с этим.

– Да мне по хуй! Для нее же лучше держать рот закрытым и относиться к Арии с необходимым уважением, или я заставлю ее пожалеть.

Этим вечером, когда Ария и я лежали в постели, я решил, наконец, затронуть вопрос, которого всячески избегал.

– Мы приглашены на вечеринку на день святого Сильвестера.

Ария приподняла голову с моей груди и нахмурила брови.

– Хорошо. И ты узнал об этом только за пять дней до мероприятия?

Я покачал головой.

– Я знал об этом уже какое-то время.

Она села и с недоумением уставилась на меня.

– И не сказал мне. Почему?

– Это вечеринка сенатора Паркера.

Ария напряглась и попыталась вылезти из кровати, но я схватил ее за талию.

– Прощу, – прошептала она. – Отпусти.

Я выпустил ее. Этот прерывистый шепот ранил мое сердце. Она выскользнула из постели и направилась к панорамному окну с видом на Манхэттен. Я наблюдал за ее обнаженной спиной. Я выбрался из кровати, подошел к ней и стал рядом. Ее лицо отражалось в окне, но ее взгляд блуждал где-то далеко, будто бы она не видела того, что перед ней. Я слишком хорошо представлял, что именно она переживала в своей голове.

Я положил руки на ее бедра, а подбородок – на макушку.

– Ария...

– Грейс будет там, – тихо произнесла она и, наконец, встретилась со мной взглядом в окне.

– Да.

Она отрывисто кивнула, пытаясь выскользнуть из моих объятий, но в этот раз я не позволил ей вновь сбежать.

– Нет, – прорычал я, усиливая хватку на ее талии. – Не создавай из этого куда большую проблему, чем есть на самом деле.

Злость отразилась на ее лице, и она стукнула меня локтем в бок. От неожиданности я выпустил ее. Она развернулась, глаза пылали яростью.

– Большую проблему, чем есть?

Она положила ладони мне на грудь и сильно толкнула. Я был вынужден подавить ухмылку. Это бы неправильно истолковано. Когда я заметил блеск слез в ее глазах, мое веселье испарилось.

– Ария, мне по хуй на Грейс, поверь мне. Не важно, будет она на вечеринке или нет.

– Если не важно, то почему ты держал это от меня в секрете так долго?

– Потому что знал, как ты отреагируешь, и был прав, – ответил я.

Она насупилась.

– Пошли, – велел я, а затем взял жену за руку и потянул ее в постель. Она последовала за мной и залезла под покрывало. Я притянул ее к себе, но ее тело не было таким податливым, как это было обычно.

– Она попытается вновь заговорить о том, что ты изменил мне с ней.

Я погладил ее нежную спину.

– Как я уже говорил, она гребанная крыса, которая пытается унижить королеву. Игнорируй.

Ария вздохнула.

– Не уверена, что смогу.

– Ты принцесса мафии, Ария. Ты стала такой под влиянием смелых мужчин, как я. Ты справишься с убогой шлюхой типа Грейс.

Ария приподняла голову.

– Если ты такого низкого мнения о ней, то почему проводил с ней время?

– Я не встречался с ней в привычном смысле. Она была просто игрушкой для траха.

– Не могу представить, каково это спать с кем-то, не испытывая никаких чувств. Я могу только заниматься любовью. – Она вздохнула.

Я прошелся костяшками пальцев по ее спине.

– До тебя я лишь трахался, Ария. Мне было плевать на всех этих женщин.

– Но если ты не мог выносить ее присутствие, как ты мог проводить с ней время после секса?

Я нахмурил свои темные брови.

– Я не оставался после всего.

В глазах Арии сквозило недоверие.

– Ты спал с ними и тут же уходил, как все было кончено?

– Я трахал их и уходил, да. Почему я должен был оставаться?

Она смотрела на меня так, будто бы просто не могла понять мои аргументы.

– Но... что насчет объятий? Тебе никогда не хотелось продлить близость?

Я усмехнулся.

– Ох, *principessa*, у тебя обо мне неверное представление. Эту версию меня можешь видеть только ты.

Она приподнялась на моей груди и посмотрела на меня сверху вниз.

– Но со мной тебе нравится это?

Она спрашивала одно и то же.

– Нет, – пробормотал я. – Я люблю это.

Ее губы изогнулись в восхитительной улыбке, затем она мягко поцеловала меня. Будто кто-то когда-либо мог сравниться с Арией.

* * *

Маттео выглядел как кот, заполучивший сметану. С его болезненным пристрастием к неприятностям, он, в конце концов, будет наслаждаться браком с Джаанной. Слава богу, он не женится на ней до лета, так что я мне не нужно выслушивать, то как они раздражающе гавкают друг с другом.

– Надеюсь, на этой вечеринке найдется милая попка. Мне нужно потрахаться, – произнес Маттео.

– Можешь поймать Грейс, мне похер. Она берет в рот как профи, – пробормотал я.

Казалось, Маттео обдумывает это.

– Не уверен, что хочу твои объедки. Ты не против?

Я застонал.

– Да мне по хуй, поверь.

– Она доберется до тебя, Лука.

Я блядски надеялся, что нет, но, боялся, что Маттео прав. Я задел гордость Грейс. Она была избалованным ребенком, который привык добиваться своего, а я стал первым мужчиной, который не пошел у нее на поводу. Я все еще жалел, что не убил ее после того, что она сделала Арии в «Сфере», но отец запретил это, а наши связи с сенатором Паркером были слишком важны для Семьи.

Я собирался что-то сказать, когда Ария вышла из спальни на лестничную площадку, и все мысли улетучились из моей головы. На ней было золотое платье в пол, ниспадавшее волнами вокруг ее ног. Оно было без рукавов с высоким воротником, украшенным драгоценными камнями. Ее светлые золотистые волосы ложились локонами вокруг ее лица. Она выглядела как королева.

Маттео тихо присвистнул.

– У Грейс случится истерика.

Ария начала спускаться по лестнице, и я направился к ней, протягивая руку. Она приняла ее с легкой улыбкой. Ее глаза были полны беспокойства.

– Ты великолепна, принцесса.

– Так и есть, – подтвердил Маттео.

Ария вспыхнула, и я сжал ее руку в знак поддержки.

* * *

Когда мы прибыли в дом сенатора Паркера, рука Арии была напряжена, но лицо не отражало ее переживаний. Она выглядела царственно и элегантно, пока я вел по дорожке ко входу.

Тут я заметил Грейс. Хуже всего то, что она тоже заметила меня.

Сенатор Паркер бросил на меня извиняющийся взгляд, а брат Грейс даже попытался увести ее, но она неторопливо подошла к нам. Она постаралась на славу. Обтягивающее, золотистое и расшитое пайетками мини заканчивалось куда выше ее бедер и оставляла мало пространства для воображения. Глубокий вырез выставлял на обозрение ее впечатляющую грудь.

Ария замерла, и я обернулся к ней. Ария в ее куда более закрытом платье была гораздо сексуальнее, чем Грейс. Ария была королевой, а Грейс не заслуживала даже дышать с ней одним воздухом.

– Лука, – сладко произнесла Грейс и на полном серьезе наклонилась ко мне, будто бы собиралась обнять, но мой взгляд удержал ее от этого. – Ария, – добавила она, поджав губы.

– Мне нужно перебраться с тобой парой слов, – сказал ее брат, хватая ее за руку и практически уволакивая от нас. Может, он заметил, как сильно я хочу прикончить его сестру, и не важно – женщина она или нет.

Ария расслабилась, но вскоре нас окружили первые гости, так что у меня не было возможности спросить ее, все ли в порядке. Грейс пыталась несколько раз за вечер поймать мой взгляд, и ее брату пришлось приложить усилия, чтобы она вновь не приблизилась к нам.

Грейс выглядела откровенно расстроенной отсутствием интереса с моей стороны, и в отчаянно попытке привлечь мое внимание она подошла к Маттео, который флиртовал с дочерью какого-то политика. Она одарила его своим лучшим постельным взглядом, прижимаясь к нему. Маттео ухмыльнулся, но его глаза встретились с моими над головой Грейс.

Я приподнял брови, давая ему понять, что он вполне мог развлечься. Он что-то прошептал ей на ухо, приобнял рукой за талию и обхватил задницу. Прежде чем последовать за ним, она окинула меня уничтожающим взглядом. Она реально думала, что мне не по хер? Если она полагала, что сможет задеть меня, отсосав моему брату, тогда она была куда тупее, чем я считал.

– Пожалуйста, скажи, что все не так, как выглядит, – прошептала Ария. У нее был такой вид, будто ее сейчас стошнит.

Я сжал ее талию.

– Маттео заполучит минет всей его жизни.

И только сказав это, я понял, как прозвучали мои слова.

Щеки Арии вспыхнули, и она напряглась в моих объятиях, но мне не представилась возможность смягчить собственные слова, так как к нам подошел находящийся под нашей защитой владелец сети ресторанов и вовлек меня в беседу. Лицо Арии весь оставшийся вечер выглядело так, будто бы оно высечено из камня, и я хотел сам себе надрать жопу за то, что был так неосмотрителен. Ария стояла рядом с королевским достоинством, но она не удостоила меня ни единым взглядом.

Маттео вернулся на вечеринку почти через час. Его волосы были взлохмачены, а самоуверенная ухмылка сияла на лице. Он неторопливо подошел к нам, когда мой последний собеседник удалился. Я послал ему предупреждающий взгляд, но, конечно же, этот придурок проигнорировал меня.

– Теперь я понял, почему ты терпел ее рядом с собой так долго. Черт подери, у этой женщины отсутствует рвотный рефлекс.

Ага, а еще она дает в задницу, но об этом Арии знать не нужно. Она застыла, бледнея. Маттео посмотрел на нее, затем на меня, приподняв брови. Я послал ему смертоносный взгляд.

– Извините. Мне нужно освежиться, – произнесла Ария спокойным голосом, отходя от нас.

Я бы последовал за ней, если бы отец Грейс не подошел ко мне в этот момент, а я не мог устраивать сцены на публике. Ария развернулась на каблуках и зашагала прочь, высоко держа голову. Я мог бы убить Маттео.

АРИЯ

Я едва могла дышать, пока шла в сторону уборных. К счастью, никто не попытался меня остановить. Я не уверена, что смогла бы держать лицо, если бы меня остановили. Стоило мне войти в туалет, как я тяжело вздохнула. Я вымыла руки, потому что не могла умыться – это бы испортило макияж. Подняв лицо, я рассматривала свое отражение в зеркале. Я не была тщеславна, но знала, что люди считают мою внешность великолепной. Однако одно упоминание о способностях Грейс заставило меня задуматься о том, что одной внешности недостаточно для того, чтобы удержать Луку.

Он любит тебя.

Я закрыла глаза и досчитала до десяти, пока не почувствовала себя в силах вернуться на вечеринку. Грейс была прошлым.

Я вышла из ванной и застыла, когда увидела Грейс, ожидавшую меня в холле. Она улыбалась, но это было лицемерием.

Поборов желание опустить глаза, я прямо встретила ее взгляд. Она подошла ближе, окутывая меня ароматом своего слишком приторного парфюма. На высоких каблуках она была на несколько дюймов выше меня, но я выпрямила спину.

– Я надеялась, что улучу возможность поболтать с тобой. На твоей свадьбе у меня было маловато времени.

«*Он как следует трахнет тебя*», – вот что она тогда сказала и лишь сильнее разожгла мой страх. Она была не намного старше меня, около двадцати, но у нее имелся огромный опыт.

– Может, ты думаешь, что Лука удовлетворен тем, что ты можешь ему дать, – начала она тихим голосом. – Но я знаю его два года, ему всегда недостаточно. Я была единственной

женщиной, к которой он возвращался все это время, потому что я могла ему дать то, в чем он нуждался.

Два года? Даже если он был в это время и с другими женщинами, почему он держал ее поблизости?

Улыбка Грейс стала шире.

– Я позволяла ему любую странность, ты даже представить не можешь, Ария. Да ты и не выглядишь так, будто бы готова подставить ему свою крошечную фригидную задницу.

С меня хватит. Я шагнула к ней, становясь слишком близко, и прищурилась, глядя прямо в глаза. Я выросла в мире мафии. Я выросла среди хищников. Если Грейс думает, что я позволю вновь себя унижать, то глубоко ошибается.

– Ты будешь держаться от него подальше, – тихо, но твердо произнесла я. – Единственная причина, зачем ему была нужна твоя задница, это то, что он не может выносить твоего лица. Ты всегда была и будешь легко заменимой. Одна среди множества. Ты ничего для него не значишь. Ну и, само собой, дешевле, чем любая потаскуха. – Мне было омерзительно, что ее ничтожность пробудила мою собственную злобу, но ничего не могла с этим поделать.

Она подняла ладонь, чтобы ударить меня, когда на нас упала тень, и сильная рука Луки схватила ее за запястье. Он отшвырнул ее от меня, так что Грейс влетела в стену, но Лука не отпустил ее. Его хватка на запястье заставила ее вздрогнуть, и от его взгляда она сжалась.

– Она не стоит того, – умоляюще прошептала я.

Его губы изогнулись в самой жестокой улыбке, какую я когда-либо прежде видела на его лице, и он отпустил ее руку.

– Ты больше не заговоришь с Арией. Ты никогда и близко не подойдешь к ней, либо ты узнаешь, какой я бываю со своими врагами.

– Лука, прошу, – умоляла она, хватая его за руку, и я застыла. – Я сделаю для тебя все что угодно. Я люблю тебя.

Он с отвращением скинул ее руки.

– Не прикасайся ко мне, шлюха! Ты только что проглотила сперму моего брата. Ты правда думаешь, что я хочу чувствовать на себе твои грязные руки?

Он обернулся ко мне, и выражение его лица смягчилось, но Грейс еще не закончила. Ее лицо исказилось от злобы, когда она подняла полные ненависти глаза на меня.

– Жаль только, что тот парень в клубе Луки не изнасиловал тебя, когда я заплатила ему. Готова спорить, что только наркотики в твоей крови позволили бы твоей пизде хотя бы раз принять член Луки полностью. Скорее всего это был бы единственный раз, когда он испытал удовольствие, тряхая тебя.

Я задохнулась от шока, но лишь на секунду, потому что Лука потянулся за ножом под полый пиджака. Он развернулся и кинулся к Грейс, впечатывая ее в стену и прижимая лезвие к горлу. Ярость на его лице напугала меня, но затем я поспешила к нему и схватила за руку, но он воспротивился. Он был слишком сильным по сравнению со мной. Его полные ненависти глаза следили за Грейс, пока он держал нож у ее шеи. Я не особо заботилась о Грейс, но, если Лука убьет ее здесь, сенатор Паркер вызовет полицию, а не все полицейские были под контролем Семьи.

– Лука, пожалуйста, – пробормотала я.

– Послушай меня, Грейс. Ты вновь уедешь из Нью-Йорка и уже не вернешься. Я скажу это только лишь раз: ты никогда не будешь вновь угрожать моей жене или станешь первой женщиной, с которой я сдеру кожу живьем.

Он стукнул себя в грудь рукояткой ножа прямо в том месте, где была татуировка Семьи. Его взгляд заставил меня содрогнуться. И Грейс, наконец, поняла, что он говорит серьезно. Кровь отхлынула от ее лица, когда она кивнула.

– А теперь ты отправишь в свою гребанную комнату и не высунешься оттуда, пока вечеринка не закончится.

Он выпустил ее, и она побежала по коридору.

Лука обернулась ко мне, убирая нож. Его лицо все еще пылало от гнева.

Я выдохнула.

– Боже, даже я ужаснулась. Ты можешь быть таким страшным!

Выражение его лица, наконец, смягчилось, когда он посмотрел на меня.

– Ага, мне говорили.

Я подошла и положила руки ему на грудь. Не было никакого смысла обвинять Луку в том, что сделала или сказала Грейс. Я давно простила его за ту ошибку. От моего прикосновения последние следы мрака исчезли с лица Луки, а в глазах засияло тепло.

– Не слушай ни единого ее слова, Ария. Она питается злобой и ложью.

– Два года? – тихо спросила я.

Лука покачал головой.

– Она была одной из многих, Ария. Я возвращался к ней только потому, что... – Он замолчал.

– Потому что у нее нет рвотного рефлекса, – пробормотала я.

– Ария, – произнес Лука почти зло, беря меня за руку и прижимая ее к сердцу. – Я никогда никого не хотел так, как тебя. И я люблю тебя, потому что ты заставляешь меня смеяться, потому что ты добрая и потому, что, когда бы я на тебя ни посмотрел, я чувствую нечто, что прежде было мне незнакомо: покой.

Я сглотнула.

Именно в этот момент Маттео решил заявиться в коридор.

– Почти полночь. Вам, влюбленные птички, пора возвращаться.

Маттео нахмурился, наблюдая за тем, как мы смотрим друг на друга.

Я слегка улыбнулась, показывая Луке, что у нас все в порядке. Он взял меня за руку и повел нас обратно на вечеринку. Вскоре после полуночи мы уехали. Лука был взбешен, и оставаться там дольше было бы рискованно, потому что он в любой момент мог потерять терпение.

Мы вместе вернулись в наш пентхаус, чтобы вновь отметить Новый год без посторонних глаз.

Маттео и я схватили бокалы и бутылку шампанского и направились на крышу. Лука искал какие-то закуски. Где-то вдалеке в небе все еще вспыхивали фейерверки. Маттео открыл бутылку и наполнил шампанским три бокала, прежде чем передать один из них мне. Его проныцательные глаза смотрели на меня.

– Грейс загнала тебя в угол на вечеринке.

Я ничего не ответила, но коротко кивнула, отпивая шампанское. Затем, когда убедилась, что мой голос звучит достаточно уверенно, поддразнила его:

– Слышала, что была не единственной, кого она загнала в угол.

Маттео усмехнулся.

– Это был не просто угол, – многозначительно произнес он.

Я кивнула, вновь глядя на небо.

– Поверь мне, никакое отсутствие рвотного рефлекса не заставит Луку даже близко смотреть на Грейс так, как он смотрит на тебя! С этим тошнотворным обожанием на лице, когда думает, что его никто не видит, – произнес Маттео со своей фирменной ухмылкой. – Мой брат безнадежно влюблен, и, честно говоря, я бы хотел приобрести те же колеса, которые ты даешь ему, и попробовать их на Джиианне, чтобы она так же смотрела на меня после свадьбы.

Я расхохоталась так, что изо рта полетели брызги шампанского, попав на рубашку Маттео. Он посмотрел на себя, а затем на меня, приподнимая бровь.

– Это было непередаваемо сексуально. Неудивительно, что Лука с ума сходит по тебе.

– Есть такое, – сказала я, смущенно улыбаясь.

– Что сексуально? – резко спросил Лука, выходя к нам на крышу с тарелкой, наполненной хлебом, оливками и сыром.

Он сунул ее Маттео, который подмигнул мне:

– Режим муж-собственник активирован.

Лука обнял меня за талию.

– Маттео, думаю, ты достаточно успел побесить меня для одного вечера. Побереги заряды на будущее.

– Мои заряды неисчерпаемы, Лука, – отозвался с ухмылкой Маттео, поигрывая бровями.

Я прижалась к Луке, чувствуя, как горят щеки от смущения и выпитого шампанского. Лука тяжело вздохнул, но когда он посмотрел на меня, его взгляд был счастливым.

– А теперь мне пора, – заявил Маттео, посмотрев на нас.

Сомнение отразилось во взгляде Луки. Они всегда проводили вместе праздник святого Сильвестера, и я поняла, что стала причиной изменений в их отношениях.

– Нет, останься, – протянула я руку и, не успев поймать его за руку, схватила Маттео за рубашку. Я тут же отпустила его.

Брови Маттео приподнялись.

– Лука, не мог бы ты сказать своей жене не срывать с меня одежду. Это посылает противоречивые сигналы.

Я расхохоталась, и Лука прижался губами к моему виску, затем махнул брату:

– Как хочешь.

Я улыбнулась.

– Как вы провели день святого Сильвестера в прошлом году?

Маттео почесал затылок, глядя на Луку, который послал ему предупреждающий взгляд. Я сделала еще один глоток шампанского.

– Полагаю, там были женщины.

– Несколько, ага, – произнес Маттео, подмигнув.

– Одновременно?

– Маттео был слишком пьян, чтобы хоть что-то помнить, – просто ответил Лука, и я закатила глаза, но решила не развивать тему.

– Я никогда не видела ваши старые фото тех времен, когда вы были детьми.

Маттео ухмыльнулся.

– Так давай посмотрим.

Он направился внутрь и стал рыскать по шкафам. Лука вздохнул.

– Он заноза в заднице.

Я коснулась его руки, и его брови нахмурились, но я ничего не сказала. Может, Лука и думал, что не любил никого до меня, но на самом деле это не так – он любит своего брата.

– Пойдем, – позвала я. – Хочу увидеть тебя маленьким.

– Я никогда не был маленьким, – возразил Лука, ведя меня в гостиную.

Маттео взял старый фотоальбом, и я присела рядом с ним на диван. Лука устроился рядом со мной и поморщился, увидев первое же фото. На нем были он и Маттео, примерно трех и пяти лет, одетые в костюмы. Лука был уже высоким, но все еще худеньким, а на его лице уже отражалась такая жесткость, которой не должно быть у ребенка его возраста. Маттео держал брата за руку.

– Вы держитесь за руки, – произнесла я с улыбкой.

Лука застонал. Я перевернула страницу, и Лука с Маттео тут же напряглись. На фото были они в тех же костюмах, что и на предыдущем фото, рядом с женщиной с длинными темными волосами. Она смотрела в камеру с самым несчастным выражением лица, какое я когда-

либо видела. Я почти чувствовала ее отчаяние. Мать Луки покончила с собой, когда ему было лишь девять, и видя ее выражение лица, я не особо удивилась. Я быстро переворачивала страницы, пока не нашла фото Луки в подростковом возрасте с самыми отвратительными усиками, какие мне довелось видеть.

– Я и забыл про твои порноусики, – произнес Маттео, посмеиваясь.

– Порноусики? – повторила я, приподнимая брови и глядя на Маттео, в то время как Лука сверлил брата взглядом.

– Потому что у многих порноактеров раньше были такие усы.

Я сделала еще один глоток шампанского, хотя уже была пьяненькой.

– Мне было четырнадцать, и я думал, что так буду выглядеть старше, – пробормотал Лука, переворачивая страницу. Здесь было фото, где он стоял на яхте в одном плавках. Усов больше не было, он был уже мускулистым, хотя на фото ему вряд ли было больше шестнадцати.

Я окинула его оценивающим взглядом, и Лука усмехнулся. Не могла дождаться, когда мы останемся наедине.

Глава пятая

АРИЯ

Мы больше не вспоминали инцидент на вечеринке в честь Сильвестера, и через несколько дней нам предстояло отправиться в Чикаго на свадьбу Данте.

Моя кузина Валентина выглядела абсолютно великолепно в кремовом, расшитом пайетками свадебном платье. Свадьба была не такой грандиозной, как наша, но все же на ней собрались порядка двух сотен гостей из Синдиката и Семьи. Я улыбнулась, наблюдая за Данте и Валентиной во время их первого танца. Бальный зал отеля был украшен розовыми и лиловыми розами, а атмосфера казалась расслабленной.

Лука сжал мое бедро.

– Ты не выглядела такой же счастливой во время нашего свадебного танца.

Я рассмеялась.

– Ты пугал меня.

Вал, казалось, совсем не боялась Данте, но она старше меня на пять лет и прежде уже была замужем. Думаю, закрепление брака не станет таким же кошмаром для нее, как для меня.

Когда на танцпол пригласили гостей, Лука притянул меня в свои объятия и повел танцевать. Я все еще удивлялась тому, насколько хорошим танцором он был, несмотря на свой рост. Я просияла, глядя на него, и он погладил мою обнаженную спину большим пальцем – это было единственное публичное проявление привязанности, которое он, вероятно, мог себе позволить. Он был все еще насторожен, но мне было все равно, поскольку он никогда не сдерживал свои эмоции, когда мы были наедине. И это все, что имело значение.

Как и предполагалось, я должна была танцевать с Данте, а Лука с Вал. Я танцевала с Данте и прежде и лишь слегка напряглась, когда он взял меня за руку, но когда он придвинулся ближе и коснулся ладонью обнаженной спины, я поежилась от некоторой интимности этого жеста. Он тоже напрягся, нарушив барьер между нашими телами. В этом и заключается главная проблема платья с обнаженной спиной. Жар затопил мои щеки, когда я встретила с ним взглядом.

Он лишь слегка улыбнулся.

– Извини, – просто сказал он.

– Ты ничего не можешь поделать с моим платьем. Если только опустишь руку неприлично низко, только так ты сможешь нащупать ткань, – произнесла я, стараясь разрядить обстановку.

Легкая вспышка смущения отразилась на его лице.

– Если я это сделаю, твой муж прольет кровь.

Лука бросал в мою сторону собственнические взгляды, пока танцевал с Вал. Она тоже была явно напряжена.

– Вал выглядела куда счастливее, танцуя с тобой, – произнесла я с улыбкой. Пальцы Данте на моей спине напряглись, а выражение лица померкло. Собственник и доминант, такой же как Лука, если уж на то пошло.

Маттео сменил Луку, а Данте освободил меня. Я, извинившись, отказалась от танца с солдатом Синдиката, не желая испытывать терпение Луки. Вдруг Вал громко рассмеялась какому-то замечанию Маттео. Она танцевали куда ближе, чем было допустимо. Лука нахмурился, глядя на своего брата, но он был не единственным, кто меня беспокоил. Взгляд Данте был очень похож на знакомый мне взгляд Луки.

Я поспешила на танцпол и остановилась рядом с Маттео и Вал.

– Почему бы тебе не потанцевать теперь со мной, Маттео?

Глаза Вал метнулись от меня к мужу, и она все поняла. Она отошла от Маттео, который ухмыльнулся ей, прежде чем взять меня за руку и прижать к себе.

Я задохнулась, почувствовав его мускулистую грудь. От моего возмущенного взгляда его усмешка стала лишь шире, и он, не колеблясь, прижал ладонь к моей спине. Он и Джианна поубивают друг друга, никаких сомнений.

Для Маттео все было игрой – он просто упивался провокациями. С любым, за исключением него, я бы переживала из-за реакции Луки, но это же Маттео. Я расслабилась в его объятиях и позволила ему кружить меня по танцполу.

Джианна с хмурым видом стояла в стороне. Пролетая мимо нее, Маттео подмигнул ей. Я впиалась ногтями ему в плечо, переключая его внимание на себя.

– Не причиняй ей боль.

Это вышло куда резче, чем я предполагала, прозвучало почти как приказ.

Лицо Маттео стало настороженным.

– А то что?

Я сжала его руку и смягчила тон.

– Или ты никогда не переиграешь ее. Она может строить из себя сильную, но ее растили в том же коконе, что и меня. Пожалуйста, будь добр к ней.

Он был братом Луки, и я прекрасно осознавала, что доброта не была его сильной стороной, но если Лука смог быть добрым ко мне, то я надеялась, что Маттео будет так же относиться и к Джианне.

– У меня нет никаких планов причинять Джианне боль, пока она не заинтересуется какими-нибудь извращенными штучками.

Я закатила глаза, но когда он вновь посмотрел на Джианну, я могла сказать, что в его взгляде мелькнула теплота. А в ее нет. Она выглядела так, словно скорее отрубила бы себе руки, чем вышла за него замуж. И это беспокоило меня.

ЛУКА

Я перекатился на другой бок, но вместо Арии почувствовал лишь пустые простыни. Мои глаза тут же открылись, и я сел, глядя на часы на прикроватном столике. Было только 6:30 субботнего утра, а мы поздно вернулись из Чикаго. Где она? Почему она уже не спит?

Тот факт, что я даже не заметил, что ее нет в постели, показывал, насколько крепко я спал рядом с ней. Бля.

Я спустил ноги с кровати, с трудом поднялся, потянулся за своей «береттой» и засунул ее в боксеры. Когда я ступил на лестничную площадку, до меня донеслось бормотание Арии. Я спустился и обнаружил Арию на кухне, босяком и одетую в шелковую ночнушку. Стол и пол были усыпаны какой-то белой пудрой, как и сама Ария, а ее светлые волосы были собраны в растрепанный пучок на макушке.

Воняло паленым.

– Что происходит?

Ария вскрикнула и обернулась, прижав к сердцу руку. Кончик ее носа и щеки тоже были белыми, и я улыбнулся при виде этого зрелища.

На ее лице появилась улыбка.

– Я испекла тебе торт. – Она подошла ко мне. – С днем рождения, любимый.

Бля, мой день рождения! Совсем забыл. Я никогда не праздновал этот день. Ария поднялась на носочки, и я чуть наклонился, соприкасаясь с ней губами. Я ощутил вкус муки – так вот что за белая пудра! Я отодвинулся, разглядывая беспорядок.

– Не хочу показаться грубым, но прошлый опыт показал, что ты и кухня – не особо хорошая идея.

Ария поджала губы.

– Я тренировалась с Марианной, когда тебя не было дома.

– Тренировалась?

– Я хотела, чтобы твой торт в честь дня рождения был идеален, – мягко произнесла она.

Я уставился на нее, затем поднял руку и кончиками пальцев стряхнул муку с ее щек. Пятно на носу пусть останется. Она была так чертовски великолепно, что не описать словами! Она отошла, взяла прихватку и открыла духовку. Торт, который она вытащила, выглядел не так уж плохо, хотя и слегка пригорел.

– Это шоколадный торт с начинкой из сливочного сыра, – сообщила она, пока ставила его на кухонный стол. Ария схватила нож, отрезала два кусочка, положила их на тарелку и поставила передо мной. Она прижалась ко мне. – Надеюсь, тебе понравится.

Я взял вилку и отломил кусочек торта, а затем положил его в рот, готовый к самому худшему, но на деле торт был вкусным, мягким и шоколадным. Я не был большим любителем сладкого, но этот мне понравился, потому что его приготовила для меня Ария.

– И? – спросила она, с распахнутыми и полными беспокойства глазами.

– Прекрасно.

Ее ответная улыбка в прямом смысле заставила мое долбанное сердце пропустить удар.

– Как давно ты встала?

– Часа три назад.

Я приподнял брови.

– Не знал, что торты готовятся так долго.

Она покраснела.

– Ну, вообще-то нет, но я проснулась пораньше на случай, если что-то пойдет не по плану. И я спалила два первых торта – они в мусорке.

Я усмехнулся и отломил еще кусочек. Мои глаза скользили вниз по ее нежному горлу, к мягким холмикам груди.

Ария коснулась моей груди, затем ее руки медленно направились к моему животу. Я отложил вилку на тарелку. Моя кожа напряглась под ее прикосновением, а член ожил. Глаза Арии встретились с моими, когда она потянулась к «Беретте» у меня на поясе и вытащила пистолет. С кем-то другим мое тело завибрировало бы, почувствовав тревогу, но с ней я не ощущал ни капли беспокойства. На мгновение ее взгляд остановился на оружии, но затем она положила его на кухонный стол. Я не мог отвести от нее глаз. Ее руки скользнули за пояс, и она медленно стащила мои спортивные штаны с бедер. Я зашипел, когда она коснулась моего члена. Она подняла на меня глаза – и блядь, этот взгляд! Мой член дернулся.

А затем она опустилась на колени, и в этот момент я едва не кончил. Удерживая зрительный контакт, несмотря на полыхающие румянцем щеки, она наклонилась, распахивая свои идеальные розовые губы и беря в рот головку члена. Я удержался от того, чтобы толкнуться навстречу, распустил пучок на ее голове и зарылся руками в ее волосы, пока она глубже вбирала мой член. Бля, мои яйца напряглись от того, что я видел перед собой!

Она улыбнулась, и я застонал. Мои пальцы сильнее зарылись в ее волосы. Медленно она приподнялась, обхватив пальцами ствол, а затем провела языком от основания до головки, прежде чем лизнуть ее своим розовым язычком. Я дернулся, застонав.

– Бля, Ария, ты меня убиваешь.

Она мурлыкнула в ответ и выглядела при этом чертовски гордой. Ох эта женщина! Только моя.

Мне пришлось несколько раз удерживать себя, как неумному подростку, пока ее рот занимался моим членом, но когда Ария стала поглаживать мои яйца, а головка члена касалась задней поверхности ее горла, я взорвался. Я ухватился за край столешницы, пока удовольствие охватывало меня, и я извергался ей в рот. Ей было непросто проглотить всю сперму, так что

я слегка отодвинулся, и член дернулся. Я видел сквозь полуприкрытые веки, как она отстраняется, освобождая меня, и вытирает рот. Сейчас она вновь была слишком застенчивой. Я наклонился, подхватил ее подмышки и усадил на кухонный стол. Потом прижался поцелуем к ее рту, проталкивая внутрь язык, пробуя свой вкус на ней и чувствуя себя гребанным собственником из-за всего этого.

Схватив за ягодицы, я поднял Арию на руки, ее ноги обхватили мою талию. Если бы повсюду не было муки, я бы трахнул ее прямо на кухонном стол. Но вместо этого я развернулся, продолжая удерживать ее в своих объятиях, и направился к лестнице. Ее глаза неотрывно смотрели на меня, пока я нес ее по ступенькам. Ее киска прижималась к моему животу, и мой член вновь затвердел. Блядь, я мог чувствовать, насколько влажной она была. Влажная из-за того, что сосала мой член.

– Предполагалось, что все только для тебя, – прошептала она, глаза искрились от похоти.

– Это тоже для меня, потому что дарить тебе наслаждение – самое лучшее что может быть.

Мы достигли кровати, и я упал на нее. Ария взвизгнула, но я распределил свой вес на ладонях. Она рассмеялась, стукнув меня по спине.

– Ты напугал меня.

Я полностью опустился на нее, направил свой член к ее киске и медленно скользнул внутрь. Когда я полностью вошел в нее, я опустился на предплечья, прижимая наши тела друг к другу. Я целовал ее, пока медленно входил и выходил из нее.

Заниматься с кем-то любовью – это то, что я считал для себя невозможным. Но мне недостаточно просто трахать Арию.

Я старался не ускоряться. Я делал все возможное, чтобы входить глубоко, попадая в особое местечко, из-за чего Ария теряла контроль. Ее глаза, не отрываясь, смотрели в мои, пока она задыхалась и стонала, удивление застыло на ее великолепном лице. Я хотел, чтобы она вновь кончила только от моего члена, и она была близка. Мое облегчение тоже было совсем близко, хоть я и кончил не так давно.

– Поцелуй меня, – прошептала она, а затем ахнула, когда я глубоко толкнулся в нее.

Я захватил ее губы в медленном и сладком ритме, а затем она изогнулась, ее стеночки обхватили меня, яйца напряглись, пока мой собственный оргазм сокращал меня.

Позже я зарылся носом в ее волосы, пытаюсь восстановить дыхание. Я попытался отстраниться, но Ария усилила хватку на моих плечах, и я остался на месте, подняв на нее свой взгляд.

Любовь. Она сияла на ее лице, и мне все еще казалось невозможным то, что она могла любить меня. Я был рожден с жестокостью, взращен, чтобы ломать других.

– С днем рождения, Лука, – тихо произнесла она. – Это наш первый день рождения вместе.

– Первый из многих, – пробормотал я, потому что никогда не позволю ей уйти.

Ария улыбнулась.

– А теперь ты должен открыть свой подарок.

Я приподнял брови.

– Я думал, это и было моим подарком, нет?

– Секс и торт? – негодуя спросила Ария. Она попыталась вылезти из-под меня, но я усмехнулся, не сдвигаясь ни на миллиметр.

– Лука, – начала она, но я заткнул ее поцелуем, и она расслабилась подо мной. Спустя время любопытство взяло верх, я отодвинулся от нее и поднялся на ноги, потянув Арию за собой.

– Так и что это?

Она покачала головой и повела меня из спальни на первый этаж, а затем в одну из гостевых спален. Это был прямоугольный сверток, где-то 5 на 15 футов в диаметре. Я остановился, сбитый с толку. Я ожидал дорогостоящий алкоголь или часы, что-то из того, что женщины обычно дарят своим мужьям, но у меня не было ни единой догадки, что бы это могло быть.

Ария притянула меня ближе.

– Не хочешь открыть?

Я отпустил ее руку и подхватил подарок. Он был всего в пару дюймов толщиной и не столь тяжелый, как я ожидал.

Ария рассмеялась.

– Он не кусается, честное слово.

Я разорвал обертку и замер, ошеломленный. Это было полотно с граффити. На заднем фоне были изображены очертания Нью-Йорка, а на переднем – девиз Семья красными буквами.

– Когда ты сказал, что любишь граффити в исполнении Бэнкси и других художников, я подумала, что было бы прикольно, чтобы у тебя в кабинете в «Сфере» было что-то подобное.

Я уставился на Арию. Она прикусило губу. Незадолго до Рождества мы гуляли по Нью-Йорку, и я показал ей своё любимое граффити – едва ли не единственное произведение искусства, на которое мне было не насрать, но я даже не думал, что она запомнила.

– Как ты ее достала?

– Ромеро и я попыталась выяснить, кто такой Бэнкси, но это невозможно, так что я связалась с некоторыми более известными мастерами граффити и попросила их сделать для меня картину. – Ария замолчала. – Тебе не понравилось? Я хотела подарить что-то более личное, чем просто дорогую безделушку типа часов, особенно потому, что это ощущается так, будто ты сам себе покупаешь подарок, это же твои деньги...

Я шагнул к ней, обхватил ее лицо руками и яростно поцеловал. Когда я отстранился, она смущенно приподняла брови.

– Это наши деньги, Ария, не мои. Все, что принадлежит мне, и твоё тоже.

– Так я почти что Дон, – поддразнила она меня, и я усмехнулся.

– Ты управляешь моим сердцем, так что в какой-то степени да.

Я помедлил, потому что понял, что это правда. Никто никогда не имел надо мной такой власти, как Ария, и это было самой пугающей вещью в мире, потому что никто не должен был об этом узнать.

– Так тебе понравился подарок?

– Черт, да. Он идеален. И как я теперь смогу соответствовать на твой день рождения?

Ария ухмыльнулась.

– У тебя впереди целый месяц, чтобы что-то придумать.

– Класс, – пробормотал я.

Ее глаза искрились весельем.

– Ты же большой мальчик, опасный мафиози, плохиш с дурной славой – думаю, ты справишься.

Я наклонился, в моем голосе прозвучали низкие и опасные нотки.

– Плохиш, да?

Она обняла меня руками за шею.

– Я на самом деле не знаю, чего тебя все так боятся – ты же очаровашка.

Я застонал, потому что никто и никогда так меня не называл и никто так никогда и не делает, ради своего же блага.

– Они боятся меня, потому что я опасный парень, любовь моя.

Фраза «опасный парень» даже частично не отражала действительности.

Ария кивнула с легкой улыбкой.

– Знаю. И вот что. – Она понизила голос. – Мне нравится, когда порой в спальне ты ведёшь себя как плохой мальчик.

Боже, Ария! Я яростно поцеловал ее.

Ария всегда видела лишь мою светлую сторону.

АРИЯ

– Черт подери! – рыкнул Лука, от чего я резко проснулась. Матрас прогнулся под его весом, и я обернулась, сонно моргая. Лука одевался, его телефон был зажат между плечом и ухом, пока он натягивал штаны.

– Буду на месте через пятьдесят минут. Сука!

Я с беспокойством села. Лука отложил телефон и надел кобуры поверх рубашки, а затем обернулся ко мне, хмурясь.

– Кто-то швырнул коктейль Молотова в один из борделей Семьи. Две шлюхи сильно пострадали, помещение полностью спалено. Полиция и пожарные работают на месте. Я должен ехать и минимизировать ущерб.

Я медленно кивнула, подавляя грусть. Он двинулся ко мне, быстро поцеловал, а затем вышел.

Я прикусила губу, успокаивая боль. Сегодня мой день рождения.

Я выскользнула из кровати, схватила телефон и обнаружила сообщение от Джианны. Как только она увидела, что я в сети, мой телефон зазвонил. После того, как я поговорила с Джианной, Фабиано и Лили, то почувствовала себя лучше и пошла одеваться.

Я знала, что Луке нужно позаботиться о делах Семьи, если он хотел быть хорошим Доном, но я все равно гадала, не забыл ли он ко всему прочему и про мой день рождения. Я направилась вниз, где Ромеро сидел за барной стойкой. Он улыбнулся, когда заметил меня, и поднялся.

– С днём рождения, Ария.

Я ответила ему дрожащей улыбкой, и выражение его лица смягчилось.

– Лука вернётся так скоро, как только сможет.

Я легонько пожала плечами и налила кофе. Одиночество охватило меня. У меня не было друзей в Нью-Йорке. Учитывая, что я была женой Дона, никто в наших кругах не относился ко мне как к простому человеку, и у меня не могло быть друзей из обычного мира. Проглотив комок в горле, я отпила кофе.

Лифт пискнул, Ромеро шагнул передо мной, но расслабился, когда вошла Марианна, неся торт. Ее темно-русые волосы были как обычно стянуты сеточкой, а платье обтягивало пышную фигуру и большую грудь. Ее материнское лицо расплылось в широкой улыбке, она поставила торт, подошла ко мне и крепко обняла.

– С днём рождения, крошка. Я испекла для тебя миндальный торт. Лука сказал, что это твой любимый. – Она нахмурилась, глядя на Ромеро. – И где же он?

– Занят, – просто ответил Ромеро.

Больше Марианна не задавала вопросов.

– Лука попросил тебя испечь для меня торт?

– Попросил.

Марианна отрезала три куска, затем положила их на тарелки, передав по одной мне и Ромеро и оставив одну себе. Мы попробовали, и я должна была признать, что этот торт был вкуснее всего, что я ела за последнее время. Марианна была богиней готовки.

Марианна коснулась моей щеки.

– Ты выглядишь печальной. Почему бы тебе не выйти и не повеселиться с Ромеро?

Я хотела провести весь день с Лукой, но раз уж это не произошло, я кивнула. Ромеро отвел меня на ланч в милый ресторан, а после этого я, как типичная трофейная жена, спустила тысячи долларов в Century 21, моем любимом торговом центре на Манхэттене. Мы вернулись в пентхаус после быстрого ужина в бистро. Я даже не стала доставать вещи из пакетов, а просто схватила плед и книгу и вышла на террасу, где свернулась в кресле. Ромеро не пошел за мной, вероятно уловив мое угрюмое настроение. Мое взгляд скользил по линии горизонта, из глаз скатилось несколько слезинок, и я подтянула ноги, крепко обняв их руками.

От звука раздвигающихся французских дверей мой взгляд метнулся к окнам. Лука вышел на террасу, его глаза были полны сожаления. Я быстро вытерла слезы и поднялась, но Лука остановил меня и поцеловал.

– С днем рождения, *principessa*. Мне жаль, что я не смог провести этот день с тобой.

– Ромеро не дал мне скучать, – ответила я, слегка пожав плечами.

Лука покачал головой.

– Этого недостаточно.

Он понес меня в апартаменты и поднял в спальню. Мой взгляд устремился на постель. На ней лежали букет белых роз и сверток. Я улыбнулась и поцеловала горло Луки, прежде чем он меня отпустил. Я вдохнула аромат роз, затем взяла подарок и распаковала его. Внутри была красная вельветовая коробочка, которую я открыла. Браслет из розового золота лежал на серой подушке. Одиннадцать бриллиантов были инкрустированы в гладкую поверхность розового золота.

– Поверни его, – тихо произнес Лука.

Я так и сделала. Внутри браслета были выгравированы слова:

В самые мрачные часы ты – мой свет.

Сглотнув, я посмотрела в нежные глаза Луки. Он схватился за ворот рубашка и стащил ее через голову, а затем обернулся. Я застыла, когда увидела новое тату на лопатке прямо напротив татуировки Семьи. Кожа все еще была покрасневшей.

Я прочитал замысловатые буквы, выведенные черными чернилами: Куда бы ты ни шел и как бы ни был темен путь, я всегда последую за тобой.

Слова, которые я сказала Луке вскоре после нашей свадьбы. Он запомнил их. Я глубоко вдохнула и сжала губы, чтобы не разреветься, но это было бессмысленное усилие. Два тату по обе стороны от его сердца. Лука обернулся и подошел ближе ко мне, стирая мои слезы. Он прижал мою ладонь к татуировке Семьи.

– Клятва Семье на первом месте, но слова на спине значат куда больше.

Я сглотнула. Он не должен был говорить ничего подобного. Он – член мафии, и для него Семья всегда на первом месте, а уж тем более учитывая его положение Дона. Я кивнула, целуя его губы.

– Те слова на твоей спине... Я говорила серьезно, Лука. Я последую за тобой куда угодно. Твоя тьма не пугает меня. Я люблю твою силу и твою верность, твою мягкость и стремление защищать. Я люблю твою светлую сторону, но также сильно люблю и темную. Я буду любить тебя в самый мрачный час, я буду любить тебя, даже когда ты будешь слаб. И если ты будешь нуждаться в том, чтобы я стала твоим светом – я буду им. Я люблю каждую твою часть, Лука.

Он прижал меня к груди, и я не менее крепко обняла его. Его любовь была величайшим подарком.

* * *

В апреле прилетели Лили и Жианна. Стоило мне увидеть Жианну, я поняла, что что-то происходит, но у нас не было ни единого шанса поговорить до того вечера, когда Лука и Маттео уехали по делам, а Ромеро был занят игрой в Скрабл с Лили.

– Ты что-то задумала, верно? – спросила ее я, пока мы любовались видом на Нью-Йорк с террасы на крыше.

Джианна помедлила с ответом, что было не типичным для нее.

– Я не могу сделать этого, Ария. Я хочу исчезнуть. Из этого мира. Сбежать от этой свадьбы. Просто исчезнуть.

Я подозревала нечто подобное, но сейчас, когда она произнесла это вслух, беспокойство и страх охватили меня.

– Ты хочешь сбежать?

– Да.

– Ты уверена?

Джианна зыркнула на меня. На ее лице не было ни тени сомнения.

– Абсолютно. С тех пор, как Братва напала на поместье, и я увидела, на что способен Маттео, я знала, что должна сбежать.

– Дело не только в Маттео, ты же знаешь, да? Он ничуть не хуже любого другого члена мафии.

Маттео мог быть забавным и очаровательным. Я была уверена, что Джианна и он могли бы быть счастливы, если бы она позволила ему, но я знала ее, знала, насколько упертой она могла быть. Она не позволит мне уговорить ее дать Маттео шанс.

– От этого все хуже. Я прекрасно знаю, что все мужчины в нашем мире способны на ужасные вещи, и однажды даже Фаби станет жестоким. И я ненавижу это, ненавижу каждую секунду, которую заперта в этом проклятом мире.

– Я думала, что у тебя и Маттео все налаживается.

– Он пытается манипулировать мною. Разве ты не видишь, как легко он смог вынудить Лили расслабиться рядом с ним?

– Все могло бы быть куда хуже. Большинство мужчин не простили бы тебя за то, что ты доставила им столько хлопот, но, кажется, ты действительно ему нравишься.

Я не была уверена, что Лука позволил бы мне вытворять подобное с ним.

– Ты на его стороне?

Я не собиралась выбирать ничью сторону.

– Я не на его стороне. Я просто пытаюсь показать тебе альтернативу побегу.

– Зачем? Ты же знаешь, что я никогда не хотела такой жизни! Зачем, ты пытаешься оставить меня в нем?

Я схватила ее за запястье, начиная злиться.

– Потому что я не хочу потерять тебя, Джианна.

– Ты не потеряешь меня.

– Нет, потеряю. Стоит тебе убежать, и мы никогда больше не увидимся вновь, возможно, даже не поговорим, как минимум до тех пор, пока не придумаем способ сделать это, не рискуя тем, что мафия тебя поймает.

– Знаю, – прошептала Джианна. – Ты можешь поехать со мной.

В прошлом я часто возмущалась из-за золотой клетки, в которой выросла, и даже сейчас я иногда гадала, каково это – гулять по Нью-Йорку без Ромеро, пойти в колледж и жить по своим собственным правилам.

– Я не могу.

Она отвернулась от меня.

– Потому что ты любишь Луку.

Толика недовольства мелькнула в ее голосе, но я не собиралась извиняться из-за своих чувств. Любовь к Луке было чем-то, из-за чего я никогда не переживала.

– Да, но это не единственная причина. Я не могу оставить Фаби и Лили в прошлом, и я обрела мир в супружеской жизни. Это все, что я знаю. И я в порядке.

– Ты думаешь, что я отказываюсь от них, раз уезжаю?

– Они поймут. Не все готовы к жизни в мире мафии. Ты всегда хотела жить как обычный человек, и у них все еще буду я. Ты должна думать о себе. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

– Я не думаю, что могу быть здесь счастлива.

– Потому что ты не хочешь выходить замуж за убийцу, потому что ты не можешь жить с тем, что делает Маттео.

– Нет, – тихо ответила она. – Потому что я не могу представить, что мне будет нормально жить с этим.

Я всмотрелась в ее лицо.

– А что с этим не так?

Я знала, кем был Лука, на что он был способен. Я знала, что он не изменится, и я не хотела этого, потому что любила его таким, как он есть.

– Тебя не беспокоит то, что делает Лука? Разве ты никогда не лежала ночью без сна, чувствуя себя виноватой за то, что вышла замуж за такого человека, как он?

– Мы из семьи, в которой все мужчины такие, как он. Ты пытаешься вызвать у меня чувство вины?

– Нет. Но обычные люди чувствовали бы себя виноватыми. Неужели ты не видишь, насколько мы испорчены? Я не хочу быть такой. Я не хочу провести всю свою жизнь с человеком, который потрошит своих врагов.

Лука всегда говорил, что я чиста и невинна, но это было не так.

– Прости. Я не хотела, чтобы ты чувствовала себя плохо. Я просто... Знаю, что должна рискнуть. Должна попытаться сбежать от всего этого и жить без насилия и извращенной морали. Я всегда буду сожалеть об этом, если не попробую.

– Ты же знаешь, что никогда не сможешь вернуться. Нет пути назад после побега. Даже если Маттео простит тебя за подобное оскорбление, до момента твоего бракосочетания ответственным за твое наказание остается Синдикат. Побег из мафии равносителен предательству.

– Знаю.

– В Синдикате наказание за предательство – смерть. Лишь потому, что ты не член мафии, они могут пощадить тебя и зашвырнуть в один из борделей или выдать за кого-то, кто куда хуже Маттео.

– Знаю.

Я схватила Джианну за плечо, потому что не думала, что она в полной мере все осознает.

– Да неужели? Лишь немногие попытались сбежать от мафии, и на то есть веские причины. Большинство из них были пойманы.

– Большинство, но не все.

– Ты когда-нибудь вообще слышала о ком-то, кто успешно сбежал от мафии?

– Нет, но сомневаюсь, что кто-либо рассказал бы нам о них. Ни отец, ни Маттео, ни Лука не имеют ни малейшего интереса в том, чтобы посеять подобные мысли в наших головах.

Я убрала руку, вздыхая.

– Ты на самом деле решилась пройти через все это?

– Да.

– Ладно, – произнесла я, потому что знала, что не могла ничего сделать для того, чтобы изменить решение Джианны, а я не хотела, чтобы она начинала хранить от меня секреты. – Но ты не сможешь провернуть это в одиночку. Если ты хочешь, чтобы у тебя был хоть один шанс на успех, тебе понадобится моя помощь.

– Нет, – отозвалась она. – Я сама справлюсь.

– Если я помогу тебе сбежать, я предаю Семью, а значит и своего мужа, – прошептала я. Лука расценит это как предательство. Он был воспитан с уверенностью, что его слово – это закон, и те, кто противоречат его приказам, – предатели.

– Ты права. И я не могу позволить тебе так рисковать.

– Я взяла ее за руку.

– Нет, я помогу тебе. Я – твой единственный шанс. И если кто-то и может это сделать, так это ты. Ты никогда не хотела быть частью всего этого.

– Ария, ты сама сказала, то, что я собираюсь сделать, – предательство, а мафия жестоко расправляется с теми, кто ее предает. Лука не из тех, кто легко прощает.

– Лука не навредит мне. – Джианна не казалась убежденной, но я знала, что это было правдой не только с того момента, когда он вытатуировал мои слова на коже. – Он так не поступит. Если бы Сальваторе Витиелло был до сих пор жив, дела обстояли бы по-другому. Я была бы в его власти, но сейчас Лука – Дон и он не накажет меня.

– Может, его люди не оставят ему иного выбора. Он новый Дон, и если он будет выглядеть слабым, его люди могут взбунтоваться. Лука не станет рисковать собственной властью, даже ради тебя. Семья всегда для мафиози на первом месте.

– Доверься мне, – велела я.

– Я доверяю тебе. А вот Лука – тот, кому я не доверяю.

– И если так подумать, я не совсем предаю Семью. Ты все еще часть Синдиката до тех пор, пока не выйдешь за Маттео. Это означает, что, в первую очередь, я предаю Синдикат, но я никак с ними не связана, так что не могу это сделать.

– Лука может думать иначе. Даже если ты не предашь Семью, ты все еще будешь действовать за спиной Луки. Не говоря о том, что Маттео облазит небо и землю в поисках меня.

– Верно. Он будет искать тебя.

– Рано или поздно он потеряет интерес.

Зная одержимость Маттео моей сестрой, я крайне сомневалась в этом.

– Может быть. Но я бы на это не рассчитывала. Мы должны будем убедиться в том, что он не отыщет тебя.

– Ария, мне не следовало приходить к тебе с этим. Я не должна была вовлекать тебя.

– Не пытайся меня отговаривать. Я бы чувствовала себя виноватой, если бы не помогла тебе, и ты попалась, – сказала я ей.

– А я буду чувствовать вину, если ты попадешь в неприятности из-за помощи мне.

– Я помогу тебе. Разговор закончен.

Глава шестая

Месяц спустя

ЛУКА

– «Сфера» все еще дает наибольшую прибыль, но выручка «Перголы» растет. Несмотря на попытки русских насрать в наш пруд, мы все еще зарабатываем кучу долбанного нала в наших клубах. И «Пергола» в следующем году станет самым горячим клубом, я чувствую это, – произнес Маттео, пока проверял доходы наших ночных клубов за прошлый месяц.

Мне на самом деле было по хер, что у нас самые горячие клубы в городе. Наш главный бизнес – наркотики, и цифры в ноутбуке говорили мне, что мы продаем куда меньше, чем могли бы.

– Продажи героина снижаются. Эти новые дизайнерские колеса – вот то, чего хотят люди, – ответил я. – Мы должны убедиться, что наши поставки приходят вовремя. И мне глубоко похер, что лаборатории производят так быстро, как только могут. Этого недостаточно. Нанеси им визит.

Губы Маттео изогнулись в чертовски наглой улыбке.

– Нанесу.

Я покачал головой.

– Большой ублюдок.

– Рыбак рыбака видит издалека.

Мой телефон зазвонил. Я вытащил его из кармана и уставился на экран. Ромеро.

– Да, Ромеро?

– Сандро без сознания на кухне. Ария и Джианна исчезли.

Мой пульс стал зашкаливать. Русские.

– Повтори! – Я закрыл ноутбук и выпрямился в кресле. Взгляд Маттео метнулся ко мне.

– Его, должно быть, накачали наркотой и связали веревкой. Одна из машин пропала. Джианна и Ария, должно быть, собрали вещи, потому что их нет в шкафу. И никаких признаков нападения. Судя по всему, они сбежали.

Сбежали? Мои глаза уставили на граффити, которое Ария подарила мне четыре месяца назад и которое висела на стене позади моего рабочего стола.

– Что происходит? – спросил Маттео, закрывая ноутбук и отодвигая его.

Я поднялся. Ярость распирала меня. Была еще какая-то эмоция. Слабость, которой я не могу дать место. Эмоция, которая до появления Арии никогда прежде не беспокоила меня, и сейчас моя жена исчезла! Она на хуй сбежала.

– Ромеро нашел Сандро накаченным чем-то и связанным на полу пентхауса. Ария и Джианна исчезли.

Маттео медленно поднялся.

– Ты же, блядь, шутишь...

Я посмотрел в его лицо, такое дьявольски злое, и это сжигало меня изнутри. Злость, и беспокойство. Ебанное беспокойство, потому что моя жена пропала. Ария сбежала. Сбежала от меня!

– Ты думаешь, что я буду шутить о чем-то подобном?

– Я думал, Ария любит тебя, – ехидно произнес Маттео.

Мои пальцы чесались от желания сомкнуться на его горле. Раскрошить что-то. Блядь! Было такое восхитительное чувство, когда я в последний раз раздавил чуваку горло. Но не

Маттео предал меня. Я должен хотеть причинить боль собственной жене за то, что она сбежала от меня, но ничего подобного не было. Блядь! Черт тебя дери, Ария! Будь ты проклята за то, что заставила меня волноваться!

Я вылетел из подвала «Сферы». Некоторые из моих людей у бара с любопытством посмотрели на меня. Другие поднялись, желая последовать за мной и присоединиться к любой заварушке, в какой бы я ни оказался. Но я не мог рисковать тем, что они обнаружат, что моя собственная жена сбежала, что я не смог контролировать даже находящуюся рядом с собой женщину!

Любовь... Корень всех слабостей – вот как наш гребанный папаша называл ее. Мне не нравился этот человек, я ненавидел всего всеми фибрами своего существа, но, судя по всему, хотя бы раз он оказался прав. Ария превратила меня в дурака, а я, сука, позволил ей это сделать.

Маттео двигался следом за мной. Если бы он не захотел гребанную рыжую, ничего бы из этого не случилось. Не было никакого сомнения в том, что это ебанная идея Джианны.

– Это Джианна устроила. Девчонка – корень всех бед. Почему ты, блядь, не смог держаться от нее подальше, как я говорил тебе?

– Может, по той же самой причине, по которой ты позволил Арии обдурить тебя, – пробормотал Маттео.

Проклятье! Маттео был моим братом. Если остальные начнут думать так же, мне придется устроить новое кровавое заявление. И все из-за Арии. Я запрыгнул в машину, а Маттео уселся на байк, и мы помчались на встречу с Ромеро.

Он дожидался нас в моем пентхаусе рядом с обдолбанным Сандро. Этот ублюдок должен был следить за Арией и Джианной, а вместо этого он позволил им вырубить себя! позже разделаюсь с этим бесполезным выbleядком.

– Говори. – Вот все, что я смог выплюнуть. Мое горло схватил спазм.

– Десять тысяч долларов и два паспорта пропали. Все выглядит так, будто бы они все давно спланировали.

Я кивнул, пытаясь скрыть свое бешенство. Ария говорила, что любит меня. Я говорил ей, что люблю ее, относился к ней так хорошо, как только умел, никогда не причинял ей вреда, и вот оно как вышло?

Я всюду последую за тобой, не важно, как мрачно там будет.

Итак, все последние месяцы были ебанным представлением? Но она не могла быть настолько хорошей актрисой. Это все Джианна. Ебанная вина Джианны.

– Нам нужно отправиться на их поиски, – пробормотал Маттео, как будто я сам этого не знал.

Я уставился на него.

– И откуда ты хочешь начать? Они могут быть где угодно. Едва ли они будут возить их чертовы мобильники с собой.

– Может, все же стоит попробовать, – тихо предложил Ромеро.

Я попытался успокоиться и мыслить разумно, затем напряженно кивнул, прежде чем достать телефон и открыть отслеживающее приложение. И секунду спустя сотовый Арии подал сигнал. Удивление, а затем облегчение, смешанное с подозрением охватили меня. Она направлялась за города, на север.

– Думаешь, это они? – Маттео уставился на мой телефон. – Они слишком умны для того, чтобы таскать с собой телефоны.

– Может, это и уловка, но это все, что у нас сейчас есть, – возразил я, затем обратился к Ромеро:

– Звони мне сразу же, как появятся какие-то новости.

АРИЯ

Долгое время я вела машину в одном направлении, а затем в другом. Я была уверена, что они уже обнаружили Сандро и знали, что Джианна сбежала. Подумал ли Лука, что я сбежала вместе с ней? Что все слова, которые я ему говорила, были ложью? Я не знала ответа. Мое сердце разрывалось, когда я думала об этом. Лука не был человеком, который кому-либо доверял. Но я пользовалась его доверием. Возможно, больше такого не будет.

Я посмотрела на часы на приборной панели. Самолет Джианны в Схипхол вылетел почти час назад. Мне нужно было ехать домой. Если они отследили мой телефон, то сейчас направлялись в ложном направлении и не подозревали, что Джианна улетела. Лука пытался дозвониться до меня несколько раз. Вероятно, он в бешенстве.

Я развернула машину и направилась на Манхеттен. Мое сердце стучало все сильнее по мере приближения к дому.

Я заехала на подземную стоянку. Охранник за монитором, вероятно, уже сообщил Луке о моем местонахождении.

Я зашла в лифт, чтобы подняться в пентхаус. Когда двери распахнулись, Ромеро ожидал меня. Он покачал головой, на его лице отразилось нечто, похожее на гнев. Он никогда не показывал злость передо мной. Он поднял телефон к уху, но его глаза следили за мной.

Я не спрашивала, кому он звонит. Я прошла мимо него к окнам и выглянула наружу. Джианна была на пути к свободе. Она приземлится в Амстердаме через несколько часов, где начнет новую жизнь. Подальше от всего этого. Подальше от мафии и договорных браков. Вдали от золотых клеток и созданных мужчинами правил.

Я надеялась, что Джианна была достаточно умна, чтобы уйти от погони, потому что у меня не было никакого сомнения, что отец направит за ней людей. И у меня было предчувствие, что Маттео тоже не позволит ей так просто ускользнуть. Она должна найти того, кто создаст ей новые документы. В этой стране никто не пойдет против мафии, за исключением Братвы, но связь с ними стала бы последним гвоздем в крышке наших гробов. Больше всего я надеялась на то, что Джианна обретет то, чего так жаждала.

– Лука, она здесь, – наконец, произнес Ромеро. – Нет, одна. Да. Буду.

Ромеро подошел ко мне. Я через плечо посмотрела на его высокую фигуру.

– Я не убегу. Ты не должен стоять в двух шагах позади меня, чтобы убедиться в этом, – шутливо произнесла я.

Ромеро не улыбнулся. Он сделал еще один шаг в мою сторону, ближе, чем когда-либо подходил. Его карие глаза ожесточились.

– Лука – Дон. И он лучший из всех, кто когда-либо были. Потому что он правит без пощады. Потому что он вознаграждает тех, кто верен ему. Потому что он защищает тех, кто этого достоин.

Я полностью развернулась к нему, ошеломленная яростью в его словах и не уверенная в том, к чему он клонит.

– Ты предала его. – Он практически выплюнул мне эти слова.

– Я не...

Ромеро перебил меня.

– Ты действовала за его спиной и сбежала. И мне плевать на причину. В нашем мире это означает предательство. Тебе стоило думать лучше, Ария.

Я уставилась на него, дрожа. Неужели Лука также расценивает мои действия?

– С кем угодно другим Лука бы, не колеблясь, предпочел бы самое жестокое из наказаний. Предательство означает смерть, пытки до последнего вздоха. Но можешь быть спокойна: ты в безопасности, – произнес он. Он наклонился ближе, и вновь я вспомнила о том, что мужчина

передо мной был убийцей. – Никогда не забывай о том, что Лука также является Доном, который должен сохранять лицо перед своими людьми. Не дави на него. Не вынуждай его совершить нечто такое, от чего никто из вас не сможет оправиться.

Я сглотнула, глядя на браслет.

В самые мрачные часы ты – мой свет.

Ромеро отнесся ко мне не так, как я сначала подумала. Он беспокоился. Я и не предполагала, что все настолько сложно.

Я подозревала, что помочь Джианне будет нелегко, но я не могла не сделать этого. Она была моей сестрой, и я ее любила.

Дверь гостевой спальни распахнулась, и оттуда вывалился Сандо. Рубашка его была мятой и частично вылезла из брюк. Он выглядел бледным и дезориентированным. Когда его взгляд остановился на мне, на лице отразилась злость, затем он посмотрел на Ромеро и опустил голову. Я ранила его гордость, что было величайшим позором для члена мафии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.